

Содержание

ХЕНРИК БИРНБАУМ. ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК :ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ: М.: ПРОГРЕСС, 1986. — 512 С. ... 2	
Часть I. Достижения в реконструкции общеславянского языка (история исследований); (стр. 102).....	2
Часть II: Проблемы реконструкции общеславянского языка (исследования 1968 — 1973 гг.)(стр. 193).....	3
1.0. Терминология и определения: общеславянский язык и праславянский язык.....	7
1.1. прародина и последующее расселение славян.	9
1.2. Языковое единообразие и диалектные различия; внутренняя и внешняя реконструкция общеславянского языка.	10
1.3. Наиболее ранние славянские тексты.	12
1.4. Этнические группировки и языковые связи внутри расчлененного позднеобщеславянского;свидетельства лексических заимствований и топонимики; окончательное членение славянского языкового ареала:деление на три диалекта; ядро и периферийные зоны.	12
1.5. Общеславянский (праславянский) язык как ветвь индоевропейского: его соотношение с родственными группами языков, особенно с германскими, индо-иранскими, балтийскими; оценка славянско-неславянских изоглосс.	14
ЗАЛИЗНЯК (БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ)	16
Эволюция кы, гы, хы.....	22
ХАБУРГАЕВ Г. А. СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК.....	22
А. МЙЕ.....	24
Интонация цуркумфлекса	24
Акут	25
Цуркумфлекс	25
ЦЕЙТЛИН.....	25
Слова с формантом -ьць.....	25
О словах <i>младнѣньць, прѣвнѣньць, нѣтнѣньць</i> (и их вариантах).	25
Слова, мотивированные глаголами.	26
Слова женского рода с формантом -ица (-ьница).....	26
ПРИМЕЧАНИЯ	27
Указатель	29

ХЕНРИК БИРНБАУМ. Праславянский язык : Достижения и проблемы в его реконструкции: М.: Прогресс, 1986. — 512 с.

Часть I. Достижения в реконструкции общеславянского языка (история исследований); (стр. 102)

Из проблем общеславянского консонантизма (в узком смысле этого слова) наибольшее внимание привлекали различные явления палатализации) В основном речь идет о третьей палатализации велярных и спорах об относительной хронологии второй и третьей палатализаций. ...

Анализ общей проблемы мягких (палатальных) согласных в славянских языках, отражающих состояние общеславянской фонологии, а, вернее, позднеобщеславянское ее состояние, и возникших в результате палатализации велярных перед передними гласными и различных согласных в сочетании с *j*, был проведен Б.Гавранек (1939б)¹ с позиций Пражской фонологической школы. Гавранек критически рассмотрел некоторые предположения, высказанные за несколько лет до этого Н.С.Трубецким в статье (1930)², в которой было дано оригинальное и довольно сложное хронологическое объяснение результата второй и третьей палатализации, в частности, для западнославянских языков (именно *š* при ' *s* / *s* ' в восточно- и южнославянских языках; далее, сохранение в западнославянских языках *kv-*, *gv-* в позиции перед передним гласным, противопоставленное субститутивному смягчению велярных в этих сочетаниях в восточно- и южнославянских языках).

В 30-х годах Р.Экблом предложил новую всеобъемлющую интерпретацию третьей палатализации велярных (1935)³, уделив особое внимание артикуляторным факторам в обсуждаемых звуковых переходах, а также относительной хронологии. Несколько ранее эта проблема исследовалась также К.Ничем (1926), который основывался, в частности, на методологическом опыте, приобретенном при изучении польских диалектов — основного предмета его научных интересов. Далее следует упомянуть еще работу Т.Лер-Сплавинского, в которой обсуждаются труды А.А.Шахматова и Й.Зубатого (1911)⁴; А.Белича (1921; 1928)⁵; В.Вондрака, где рассматривается относительная хронология палатализации велярных (1923/24)⁶; К.Кнутссона (1926)⁷; Я.Отрембского, который предлагал морфологическое объяснение нерегулярности третьей палатализации (1948)⁸; Р.Экблома (1951)⁹; И.Грицкат-Вирк о третьей палатализации (1951-52); В.Махека, рассматривавшего данные славянских языков в сравнении с балтийскими (1958б). В.Вондрак, Т.Лер-Сплавинский, К.Кнутссон, Р.Экблом, Махек, Ильинский, Трубецкой, Коржинек, Мареш и др. хронологически помещали прогрессивную палатализацию велярных между двумя регрессивными, и в любом случае — перед регрессивной второй палатализацией. Особые фонетические условия, в которых происходила или не происходила третья палатализация, были темой многих работ, но до сих пор ее условия ее действия не определены до конца. Среди факторов упоминаются: ударение на последнем слоге или, точнее, отсутствие ударения на предшествующем гласном; последующий выпавший (точнее поглощенный) *j*; происхождение предшествующего *i* из пра.-и.-е *i* или *ěi* (*ēi*) последнее, согласно одной из теорий, не вызывало палатализации; первоначальная сильная огубленность последующего гласного (*ǔ* (долгий) > общеслав. *у/ь*) которая препятствовала палатализации. ...

Некоторое время исследователей волновал вопрос о том, является ли польское диалектное *мазурение*, а также сходные явления в других славянских языках (особенно русское *цоканье* и сербохорватский *цакавизм*), то есть слияние шипящих (*с, 3/z, š*) и свистящих (*с, 3/z, s*, частично с последующей палатализацией *с, 3/z, s*, либо мягких *с', 3'/z', s'*) в одну — обычно свистящую — серию, пережитком периода диалектной дифференциации позднеобщеславянского языка или инновацией. На эту тему писали А.М.Селищев (1931), В.Венглаж (1937/38б), С.Роспанд (1954) и Л.Мошинский (1960). Широко изучались общеславянские проявления или предпосылки фонологической палатализации как корреляции,

расщепившей всю славянскую систему согласных. С фонологических позиций, хотя и с особым вниманием к звуковым переходам, написаны работы Н.Ван-Вейка (1937/38), Х.Ланта (1956), Э.Кошмидера (1958б; 1966) и Л.Э.Калнынь (1961)¹⁰. Лант занимался в основном рефлексам системы гласных фонем, Кошмидер (1958б), споря с некоторыми положениями Ф.Мареша (1956), утверждал, что фонологическая палатализация может рассматриваться как системная корреляция только в период, когда уже завершился распад общеславянского языка, так как возникновение ее связано с падением еров. Калнынь предполагает, что определяющим фактором в позднеобщеславянском языке был слоговой сингармонизм. Кошмидер (1966), выражая согласие с некоторыми предположениями Калнынь, считает, что палатализованные (или "полумягкие") согласные существовали как аллофоны перед передними гласными в общеславянском языке. В своей более ранней работе Кошмидер вообще отрицал существование палатализованных (противопоставленных палатальным) гласных в общеславянском, ссылаясь на положение вещей в южнославянских языках. Позднее он несколько изменил свое мнение, когда ознакомился с данными из некоторых южнославянских языков и диалектов, приведенными Калнынь. И все-таки Кошмидер не без основания продолжает скептически относиться к доказательной силе южнославянских данных, указывающих на то, что аллофонический статус палатализованных (полумягких) согласных имел место уже в период общеславянского языка, а не в период южного общеславянского или даже прамакедоно-балгарского языков.

Часть II: Проблемы реконструкции общеславянского языка (исследования 1968 — 1973 гг.)(стр. 193)

Общеславянская и раннеславянская палатализация велярных продолжает привлекать внимание лингвистов. В, частности, некоторые ученые пытались решить весьма спорную проблему относительной хронологии, применяя различные, иногда новые, подходы. Так как порядок следования первой и второй (регрессивной) палатализации не вызывает споров, естественно, что эта надежно установленная последовательность во времени была пробным камнем для лингвистов, интересующихся предположением, выдвинутым на ранней стадии генеративной теории, о параллелизме между порядком синхронных фонологических правил и относительной хронологией диахронических изменений. Эта гипотеза была подвергнута критике В. Зепсом(1967) в статье о палатализации велярных. Он указывает в начале своей работы (с.145):"Общим местом является то, что морфология в какой-то мере отражает историю, то есть что исторические изменения сохраняются в виде морфонологических чередований". Далее Зепс пытается показать на примере двух регрессивных палатализаций, отраженных в древнецерковнославянском языке, что бесспорная относительная хронология этих двух исторических процессов и множество упорядоченных правил порождения, предназначенных для единообразного объяснения обоих чередований, не могут быть представлены как состоящие в отношении взаимного параллелизма. Исследовав несколько вариантов моделей, Зепс приходит к выводу, что не только "существует большая возможность того, что могут не совпасть синхронный и диахронный порядки правил", но также задается вопросом о "достоверности внутренней реконструкции, особенно если последняя затрагивает тип деталей временну 'ю глубину в реконструкции протоиндоевропейского из индоевропейского и в подобных этому случаях" (с.150).

Очевидные ограничения и внутренние непоследовательности, возникающие из-за уверенности в том, что параллелизм между синхронным и диахронным порядком правил не случаен, в дальнейшем демострировались на соответствующих фактах. Они были оценены как бесспорные в терминах относительной хронологии (первой и второй палатализации велярных в древнецерковнославянском) в моей статье "Внутренняя реконструкция, последовательность синхронных правил синтетической грамматики и проблема древнейших отношений между балтийскими и славянскими языками"(1968б)... В своем детальном и содержательном исследовании славянских палатализаций Н.Хомский и М.Халле рассматривают палатализацию дентальных (t, d, s, z) в комбинации с последующим j, но, подобно Зепсу, исключают из

рассмотрения прогрессивную (бодуэновскую) палатализацию. Они предлагают порядок правил, который, в отличие от постулированного Зепсом, действительно кажется параллельным надежно установленной относительной хронологии двух регрессивных палатализаций (о новых мыслях по поводу общеслав. *tj, dj* см. например, Павлови? 1966/67). Поскольку я рассматривал результаты работы Хомского и Калле в другом месте, позволю себе ограничиться здесь утверждением, что их продуманный, детальный, хотя отчасти и уязвимый анализ славянских данных не представляется убедительным, по крайней мере для меня, в доказательстве не случайного, действительно мотивированного параллелизма между относительной хронологией диахронных звуковых изменений и порядком применения синхронных правил порождения. Несколько иной теме посвящена работа Хамма (1969), который занимался в первую очередь некоторыми спорными аспектами причинности и хронологии изменений общеславянских велярных. Обсуждая в первую очередь третью (бодуэновскую) палатализацию, которую Хамм не считает просто прогрессивной, он интерпретирует этот процесс, по крайней мере отчасти, как обусловленный морфонологически (то есть как явление, которое можно описывать в морфонологических терминах). В этом его позиция близка к позиции, ранее отстаивавшейся Й. Отрембским (1948), хотя подход Хамма, разумеется, более современный. Вера Хамма в "глубинную (деривационную) морфологию" (разрабатываемую в последние годы, в частности, Д.С. Вортом применительно к славянскому материалу также и для решения или, скорее, моделирования — в общем не состоятельного — спорной хронологии этой палатализации по отношению ко второй, регрессивной палатализации велярных) в целом кажется малоубедительной.

Тогда как относительная хронология второй (регрессивной) и третьей (называемой некоторыми лингвистами второй, прогрессивной или бодуэновской) палатализации велярных продолжает горячо обсуждаться (см. например, такие недавние работы, как Trimmel 1967, Jeżowa 1968, Otrębski 1970b, в которых, помимо прочего, обсуждаются и другие аспекты прогрессивной палатализации), общеславянская и, разумеется, праславянская природа второй палатализации велярных (типа $k\check{e}_2 > c\check{e}$) до недавнего времени не была темой серьезных исследований. Однако на основе некоторых важных наблюдений над материалом северо-западных русских диалектов, сделанных С.М. Глускиной (1966), дополненных данными из "Русского диалектного атласа" (представившего соответствующие данные из района восточнее Москвы), З.Штибер в своей статье (1968a) сделал вывод, что вторая палатализация велярных не являлась общеславянским (тем более праславянским) процессом ввиду наличия неизменившихся или лишь частично изменившихся велярных в указанных диалектах. Поэтому данное звуковое изменение могло быть общеславянским только в широком смысле, при включении в общеславянский язык диалектно раздробленного раннеславянского. Вторую палатализацию Штибер относит приблизительно к VI-VII вв. (см. также выше, с 102-103). Штибер добавляет, что переход $kv' > cv'$ и т.д. не был ни прарусским (общевосточнославянским), ни, по всей вероятности, даже общерусским (великорусским). Более детальное обсуждение работы Штибера см. Бирнбаум 1970с: 42-46. Под влиянием наблюдений и выводов Глускиной и Штибера¹¹ несколько интересных, но на мой взгляд, недостаточно обоснованных гипотез и переинтерпретаций выдвинул Дж. Фаррелл (1970), который пытался установить связь между различного рода противодействиями дорсальной палатализации во всех областях восточнославянского языка и диалектным явлением, называемым цоканьем (то есть совпадением свистящих и шипящих серий обычно в свистящей серии).

Явления общеславянской палатализации, в результате которых появились мягкие (в дальнейшем частично отвердевшие) согласные, чередующиеся с твердыми согласными, изучались с морфонологической и морфологической точек зрения в докладе Р.И. Аванесова, представленного на VI Международном съезде славистов в Праге под заглавием "К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском" (Аванесов 1968). О некоторых факторах, которые, возможно, ограничивали распространение

форм с результатами прогрессивной бодуэновской палатализации (влияние прибалтийско-финского субстрата) в русском (-іса, конкурирующие с -іка), сказано в работе Kiparsky 1970 (см. также ниже, 213)¹²

Позднеобщеславянская диалектная инновация, переход $\text{g} > \text{ɣ} (> \text{h})$ и некоторые другие связанные с ним процессы с новой точки зрения были исследованы Х.Андерсеном в статье "Лениция в общеславянском" (1969а). В кратком резюме, предваряющем работу он пишет: "Три различных рефлекса праславянского *g и рефлекс *dǰ в раннеславянском изменились в фрикативные. До настоящего времени не отмеченная последовательная корреляция по напряженности в общеславянском, наряду с географическими ограничениями этих изменений, позволяет нам датировать их временем утраты конечнослоговых смычных в общеславянском, падения еров или других явлений. Типологический анализ показывает, что источником фонетических изменений было производное правило противопоставления общеславянских смычных по признаку напряженный : ненапряженный. Относительная хронология, если она будет установлена, важна для некоторых проблем хронологии в славянском и его соотношения с балтийским; множество установленных концентрических изоглосс прольет свет на модель распространения раннеславянского". Сочетание достижений теории различительных признаков с обычным диалектологическим методом применительно к исследованию доисторических славянских данных — это, по моему мнению, путь, идя которым можно значительно увеличить наши знания о звуковых моделях реконструируемого общеславянского и раннеславянского языка. Относительно критики лениции в общеславянском см. работу Shevelov 1979¹³ : 323. Андерсену принадлежит также исследование другой центральнославянской инновации в диалектном общеславянском — перехода *ot(ь)* в *od* (1969б), для которого предлагается чисто фонологическая интерпретация ("сандхи по звонкости") вместо ранних, менее удовлетворительных интерпретаций, данных Бодуэном де Куртенэ, Рудницким и Махеком. Относительно позднейшего обсуждения перехода

$\text{g} > \text{ɣ} > \text{h}$ в части славянского лингвистического ареала, сосредоточивающегося на несколько дискуссионном вопросе о хронологии, но рассматривающего этот переход только с точки зрения чистой фонетики, см в Mareš 1971a¹⁴.

Часть III: Последние достижения в области общеславянского языка (1974 — 1982)

Непоследовательности в реализации первой палатализации велярных были рассмотрены Н.И. Толстым (Толстой 1978а¹⁵), который исследовал производные от корней **geg-* и **ger-*. Х. Бирнбаум (Birnbauм 1978) на основе наблюдений З. Глускиной (1966) и З. Штибера (1968а)¹⁶ анализировал частичное осуществление второй (регрессивной) палатализации велярных в северо-восточном периферийном славянском ареале. Данные северных русских диалектов и некоторых русских говоров к востоку от Москвы говорят о неполном развитии этого процесса, традиционно считавшимся общеславянским. В этой статье обсуждались также случаи отсутствия рефлекса прогрессивной палатализации в этимоне *въх-* в старых новгородских текстах. О последнем явлении см. также в Savignas 1975.

А.А. Зализняк (1982¹⁷) также рассматривал факты, говорящие об отсутствии второй и отчасти третьей палатализации. Его выводы базируются в основном на материале новгородских берестяных грамот. Зализняк объединяет древненовгородский диалект с древнепсковским и в целом подтверждает данные и выводы Глускиной, которая занималась в первую очередь современными диалектами, древними новгородскими летописями и пергаменными (т.е. неберестяными) грамотами. Во второй части работы Зализняк рассматривает начальное общеслав. *tl (и отчасти *dl). Их рефлексами в анлауте являются древненовгородские *kl/dl*. Главный вывод автора состоит в том, что древненовгородский диалект, имеющий ряд рефлексов, отличных от общеславянских (древнерусских), не может расцениваться как один из древнерусских диалектов.

См. также работу А.А. Зализняка "Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения", а также: А.А. Зализняк "Наблюдения над берестяными грамотами. — В кн.:

"История русского языка в древнейший период". М., 1984, с. 36-153. Относительно псковских материалов по проблеме 2-ой палатализации см. также: С.М. Глускина. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). — В кн. "Псковские говоры", т. II. Псков, 1968. К сожалению, в ходе дискуссии по данной проблеме не была учтена предшествующая работа С.М. Глускиной "Морфонологические наблюдения над звуком [sch] в псковских говорах" (в сб.: "Псковские говоры", т. I. Псков, 1962), где приводится большой материал, позволяющий утверждать, что в псковских говорах в аффрикаты и переднеязычные спиранты не переходили только велярные в позиции 2-ой палатализации (*кел, кевка*), но и праславянские сочетания *tj, dj, sj, zj* (встрекать "встречать", рогать "рожать", ноха "ноша", воуу "вожу" и т.п.) дали, в отличие от других русских диалектов, велярные рефлекссы. По мнению С.Л. Николаева (устное сообщение), это свидетельствует, скорее всего, о том, что в псковском "прадиалекте" как велярные в позиции 2-ой палатализации, так и сочетания дентальных *c j* дали первоначально палатальные (*к', х'* и т.д.), которые в дальнейшем отвердели. Это сильно напоминает западославянскую ситуацию, где совпадали рефлекссы названных выше сочетаний (*c* из *k в позиции 2-ой палатализации и из *tj) в отличие от восточно- и южнославянских, где эти рефлекссы различаются (ср. русск. *ч*, ст.-слав. *шт < tj*, но русск. и ст.-слав. *ц < *k* в позиции 2-ой палатализации).

Аргумент в пользу обратной хронологии первой и второй регрессивных палатализаций был выдвинут Д. Коэном (1969). Коэн оспаривает хронологию доисторических славянских палатализаций, предложенную Хомским и Халле, и предлагает перестановку синхронных правил порождения. Л. Мошинский (1972б)¹⁸ обсуждает специфическую проблему, связанную со второй регрессивной палатализацией, а именно рефлекс *sk* в условиях этой палатализации.

Вызывающая большие споры третья, или прогрессивная, палатализация велярных (еще называемая палатализацией Бодуена де Куртенэ), и в частности ее относительная хронология, была темой работы Р. Ченнона "Прогрессивная палатализация велярных в относительной хронологии славянского языка" (1972). Ченнон предлагает следующую хронологическую последовательность: 1) прогрессивная палатализация: *к, г, ? > к', г', ?'*; 2) возникновение слогового сингармонизма; 3) первая регрессивная палатализация; 4) переход задних гласных в передние после *j* и палатальных согласных; 5) монофтонгизация дифтонгов; 6) вторая регрессивная палатализация; 7) изменение *к', г', х' > с', (d)z', s' / š'*; 8) переход *ё* в *a* после *j* и других палатальных (но не после палатализованных) согласных. Необходимо заметить, что суть концепции Ченнона была представлена уже в работе М. Халле "Звуковые модели русского языка" (1968). Оценки работы Ченнона содержатся, в частности, в Newman 1973; Steensland 1974/75 и Leili 1975. Ньюман указывает на отдельные достижения Ченнона в области установления относительной хронологии, тогда как Стесланд относится к исследованию Ченнона отрицательно.

Ранние датировки прогрессивной палатализации предлагаются также Х.Лантом (1977а) и Г.Якобссоном (1973; 1974; 1977). Лант считает прогрессивную палатализацию "очень ранней", предшествующей во времени не только первой и второй регрессивным палатализациям, но и возникновению общеслав. *х. Он предполагает, как Халле и Ченнон, что процесс палатализации велярных имел две стадии: сначала переход велярных в палатавелярные, а затем и гораздо позже в аффрикаты. Лант утверждает далее, что ранняя датировка прогрессивной палатализации позволяет разумно объяснить некоторые нерегулярности в славянских парадигмах, прежде считающиеся результатом действия аналогии или иных фонологических процессов. В этом контексте следует указать, что до Халле, Ченнона и Ланта ранняя хронология прогрессивной палатализации (которая, правда, не предшествовала первой регрессивной палатализации) предлагалась Р.Экбломом, Н.С. Трубецким, Ф.В. Марешем и некоторыми другими. Резкая критика позиции Ланта содержится в работе Aitzetmüller 1979, автор которой выражает свою приверженность традиционной хронологии.

Несколько работ Г.Якобссона (1973; 1974; 1977) о хронологии прогрессивной

палатализации написаны в духе уже упомянутых более ранних его работ. Якобссон занят установлением точных условий этого процесса, попутно заявляя, что он происходил до второй регрессивной палатализации. Необходимо отметить, что, исследуя фонетические условия, в которых происходила бодуэновская палатализация, Якобссон возвращается к ранее предполагаемым переходам * *u* > *ь* и * *(C)un(C)* > *у*. Он предполагает также монофтонгизацию последовательности * *i*/* *u*/* *r*/* *l*+*n*(слоговой плавный).

Генеративный подход к общеславянским и раннеславянским палатализациям был применен Д.Хентли (1978). Он постулирует глубинные формы, к которым применяются синхронные правила. Эти формы в общем идентичны реконструированным общеславянским формам. Кроме того, Хентли вводит различие между сильными и слабыми порождающими моделями. Те же явления были темой нескольких статей К.Вукаша (1974; 1976а; 1976б), который применил подобный подход. Вукаш частично признает последовательность правил, предложенную Хомским и Халле, однако предлагает их улучшить, добавив альтернативный анализ -*i*(*l*₂). Он считает слабым синхронное свидетельство о существовании глубинных форм с дифтонгами и взамен предлагает лексическое маркирование морфемы -*i* (в формах номинатива мн.ч. и императива) как не подвергающей согласные первой палатализации.

Общие проблемы палатальной корреляции в общеславянском языке, и в особенности в позднеобщеславянском, были темой обсуждения многих авторов. В.Н. Чекман (1973)¹⁹ рассматривал общеславянские палатализации велярных и развитие сочетаний согласных с *j*. Основываясь на своей теории группофонем, В.К. Журавлев (1980)²⁰ предложил новую интерпретацию фонемного и фонетического статуса согласных перед передними гласными. Х. Галтон (1981) видел в славянской палатальной корреляции проявление одной из предложенных Н.Ван-Вейком главных фонологических тенденций позднеобщеславянского. А.Г.Авксентьева (1976)²¹ рассматривала отражения палатальной корреляции в переходе общеслав. диал. *tl, dl* > *kl, gl*. Корреляция согласных по твердости и мягкости является также основной темой работы Р. Крайчевича (1973)²², который утверждает, что именно противопоставление "fortis/lenis" ("напряженные/ненапряженные") есть дистинктивный признак общеславянского консонантизма, а не ранее предполагавшаяся оппозиция "звонкий/глухой" (ср. похожую теорию Х.Андерсена). Крайчевич утверждает, что только там, где оппозиция "fortis/lenis" не была фонемной, палатальная корреляция приобретала фонемный статус: *l:l'*, *r:r'*, *n:n'*. Противопоставление "fortis/lenis" охватывало не все губные (не затрагивало *m, v*).

1.0. Терминология и определения: общеславянский язык и праславянский язык.

Термин "общеславянский язык" и его эквиваленты в других языках (англ. Common Slavic, франц. slave commun, нем. Gemeinlavisch и т.д.), используемые в диахроническом плане, то есть по отношению к одному из этапов славянской языковой эволюции, — один из двух конкурирующих терминов, которые предназначаются для обозначения обычно постулируемого праязыка (языка-предка), лежащего в основе процесса развития всех славянских языков. Если бы этот термин употреблялся панхронически (или анахронически), то есть по отношению ко всем этапам славянской языковой эволюции (либо безотносительно к хронологии этой эволюции), то он имел бы, очевидно, различное содержание. Он мог бы относиться к некоторым или ко всем чертам, общим для всех славянских языков в то или иное время. Такое значение термина было бы, главным образом, типологическим по своей природе, при этом во многих случаях оставались бы без внимания исторические причины того структурного сходства, которое проистекает из генетического родства славянских языков между собой. Подобный же смысл вкладывался бы в термин "общеславянский язык", если бы последний использовался бы синхронно, т. е. относительно определенного отрезка времени в славянской языковой эволюции, например в период соответствующий приблизительно 1000 г. до н.э., либо началу XIII века, либо современному периоду. Однако если подразумеваются такие значения этого термина, то, во избежание возможной путаницы, кажется более целесообразным ввести другой термин, как, например, "праславянский язык" (несмотря на то, что этот термин мог бы вызвать

определенные историко-идеологические ассоциации) либо “обобщенный (generalized) славянский язык”, — термин, предпочтительный при моделирующе-типологическом подходе; с термином “общеславянский язык” конкурирует термин “праславянский язык” (англ. Proto-Slavic, франц. proto-slave, нем. Urslavisch и т.д.). в какой-то мере предпочтение того или иного термина — дело каждого лингвиста или научной традиции. Так, например, французский термин *slave commun* имеет более широкое распространение, чем *proto-slave*, по крайней мере частично благодаря воздействию классического труда Мейе. Немецкий термин *Urslavisch*, напротив, продолжает превалировать над *Gemeinslavisch*, несмотря на попытки ввести второй термин в научную литературу. Русский термин “праславянский”, видимо, все еще более употребителен, чем “общеславянский”, хотя последний предпочитался некоторыми учеными, в том числе Фортунатовым, и в особенности стал употребителен после появления перевода книги Мейе. В английском языке термины *Common Slavic* и *Proto-Slavic*, видимо равноправны, хотя в последнее время, особенно в Америке, более склонны использовать термин *Common Slavic*. (Следует заметить, что в Англии предпочитают *Slavonic*, а в Америке *Slavic*.)

Следовательно, если термины “общеславянский” и “праславянский” в действительности могут рассматриваться как синонимы, то само наличие этих двух терминов (и их эквивалентов в других языках) может навести на мысль о несколько различном их применении. Например, для того чтобы разграничивать две основные фазы развития славянского праязыка, а именно: начальный этап его развития — сразу же после его выделения из некоторой более крупной языковой единицы, такой как балто-славянский язык или часть позднего индоевропейского языка, — и конечный этап его более или менее однородного существования, непосредственно предшествовавший последующему распадению на несколько славянских языковых групп. Недавно было предложено сохранить термин “праславянский” за более ранней фазой общеславянского праязыка, и “общеславянский” — за его более поздней фазой; оба термина приблизительно соответствуют, например, немецким терминам *Frühslavisch* и *Späturslavisch*. Однако абсолютно четкое разделение славянского праязыка на более ранний и более поздний периоды остается непостижимым ввиду относительной и часто противоречивой хронологии многих звуковых изменений, на которой может основываться попытка подобного разделения.

Эти терминологические соображения, если они не встречают возражений, упираются в проблему соотношения между теми языковыми реалиями, которые кроются под понятиями “ранний праславянский” и “(общий) балто-славянский”, с одной стороны, и “поздний общеславянский” и дифференцированный “ранний славянский” — с другой, или точнее, проблему соотношения каждого отдельного диалекта позднего общеславянского и отдельного дописьменного славянского языка или языковой подгруппы... методологически трудно провести четкую границу между тем, что может рассматриваться как поздний (обще-) балто-славянский, и тем, что рассматривается как ранний праславянский язык. Последний — в той степени, в какой его основные фонологическая и морфологическая структуры реконструированы на внутренних основаниях, — по существу, выводим из гипотетической прибалтийской лингвистической модели. Обратное возведение общей (скорее, обобщенной) балтийской языковой структуры к ее раннему праславянскому соответствию кажется фактически невозможным. Необходимо также отметить, что временная граница позднего общеславянского языка колеблется, ее трудно определить с помощью неопровержимых критериев, так как многие из изменений согласуются с общими тенденциями, уже господствовавшими в предшествующие века славянского языкового развития. Развитию конкретных славянских языков и подгрупп, несомненно, предшествовала дивергентная эволюция позднего общеславянского языка в дописьменный период, что, следовательно, подтверждает теоретическое предположение о существовании конкретных славянских языков до того, как они были зафиксированы письменностью. Таким образом, можно установить лишь *terminus ad quem* позднеобщеславянского языка — время, различное для отдельных частей славянского языкового ареала, — время “падения слабых еров” и сопутствующей этому процессу или непосредственно

следующей за ним “вокализации (прояснения) сильных еров”. Поэтому, по крайней мере в определенных частях славянского языкового ареала, особенно на восточнославянской территории, период позднего общеславянского языка продолжался примерно до конца XI или даже до начала XII столетия (Исаченко 1970). Иногда к этому периоду, охватывающему как дописьменный общеславянский язык, так и первые века письменного славянского, относится несколько расплывчатый термин “раннеславянский”. Разумеется, нет никаких внутриязыковых причин, которые могли бы вызвать совпадение во времени конца общеславянского периода и чисто случайного события — возникновения славянской письменности во второй половине IX века в результате миссии Константина и Мефодия в 863 г. Однако если исключить из рассмотрения всю общеславянскую языковую эволюцию, характеризовавшуюся некоторой пространственной вариативностью, конец более или менее однородного развития славянского как целого мог бы датироваться приблизительно 500 г. н.э.

Однако, поскольку цель настоящего труда — обзор и оценка недавних и текущих открытий и наблюдений, относящихся к *реконструкции* дописьменного славянского праязыка, а также формулирование некоторых еще не решенных или малопонятных проблем этого постулируемого языка, термин “общеславянский язык”, используется как общий условный термин для обозначения всего протяжения славянской (но не дославянской) языковой эволюции вплоть до ее фиксации в памятниках письменности.

1.1. прародина и последующее расселение славян.

Любая попытка простого отождествления общеславянского (или праславянского) языка с языком, на котором говорили “праславяне”, может рассматриваться как бесполезное перемещение определения общеславянского языка с одного уровня аргументации на другой, столь же спорный. Разумеется, строгое определение общеславянских пространственных и временных границ тесно связано с проблемой прародины (англ. Original Homeland, нем. Urheimat) древнейших славян и их последующего расселения в различных направлениях до периода разрыва относительного пространственного единства славянской общности, вызванного приходом древних мадьяр в конце XI — начале X в. Поэтому может оказаться небесполезным краткое изложение наших современных знаний в этой области, в той ограниченной мере, в которой они могут считаться непротиворечивыми.

Специалисты все еще расходятся в вопросе точной локализации первоначальной территории, которую населяли славяне к концу первого тысячелетия до н.э. С относительной уверенностью можно утверждать, что прародина славян находилась на востоке Центральной Европы, где-то к северу от Карпат и, менее вероятно, от их западных острогов — Судет. В этот, как было установлено, самый первый регион своего поселения славяне перешли как одна из нескольких этнолингвистических групп, выделившихся из нерасчлененной поздней общеиндоевропейской общности. Приблизительно в IV в. славяне уже занимали обширный ареал от бассейна Одера на западе до бассейна центрального Днепра на востоке. Этот ареал простирался с севера на юг от южных берегов Балтийского моря и Мазурских озер до Припятских болот. Примерно в V в. началось продвижение славян к северо-востоку, в результате чего предки современных восточных славян заселили территории в районе верхнего Днепра и Припяти, где первоначально жили балтийские племена, которые были либо ассимилированы славянами, либо оттеснены ими к северо-западу (Топоров — Трубачев 1962; Седов 1970). В VI в. Это продвижение на северо-восток достигло территорий, первоначально занятых финскими племенами. Примерно тогда же славяне продвинулись на запад, заселив территорию от бассейна Одра до бассейна центральной и нижней Лябы (Эльбы). Вскоре после 500 г. н.э. часть славян проникла на юг, по-видимому, через карпатские и судетские перевалы, в то время как другие славянские племена, двигаясь с территории современной Украины, достигли Балканского полуострова, пройдя через Южно-румынскую низменность (Валахию). В VI в. часть славян заселила район Восточных Альп (современную Нижнюю Австрию, Штирию, Каринтию и Словению). На Великой венгерской равнине, первоначально заселенной как индоевропейскими

(фракийцами, иллирийцами, германцами), так и неиндоевропейскими народами (гуннами), славянские поселения были, вероятно, рассеянными. Позднее эта территория была покорена алтайским народом — аварами. В течении VI и VII вв. Волны славянского расселения хлынули на бо́льшую часть Балканского полуострова, включая Грецию, где славяне составили в ту пору значительный (если не доминирующий) элемент, в том числе в ее южной части, Пелопоннесе. Постепенная реэллинизация Греции, проводимая византийской администрацией, феодалами, могущественными городами и влиятельными монастырями, была начата в VII в. И продолжалась примерно шесть веков.

Следовательно, с VII и до IX в. включительно славяне заняли обширную территорию в Восточной и Центральной Европе, которая простиралась от Адриатического и Эгейского морей на юге до основания Ютландского полуострова и Балтийского моря на северо-западе и Финского залива, Ладожского озера и района верхней Волги на северо-востоке. На западе славяне достигли восточных Альп, Богемского леса, реки Заале и территории, находящейся по ту сторону Эльбы в ее нижнем течении, в то время как на востоке они давно уже перешли центральный Днепр. Только причерноморская степь продолжала оставаться территорией полукочевых алтайских и угорских народов, на короткое время поселившихся там либо проходивших эти степи на своем пути из Азии и юго-восточной Европы на запад.

Однако в начале IX в. эта огромная, населенная славянами территория не была однородной по своему этническому и лингвистическому составу. Великая венгерская равнина (Паннония, Трансильвания) управлялась аварами, подчинившими рассеянное славянское население, затем она была завоевана и фактически опустошена войсками Франкской империи Карла Великого. Романские народы частично сохранились в некоторых местах внутри Балканского полуострова (предки современных румын) и по берегу Адриатики (ныне исчезнувшие далматинцы). Другие балканские территории были заняты албанцами (жившими в соседстве с романоязычным населением), народом индоевропейского происхождения. Многочисленное грекоязычное население противостояло славянам в южной Болгарии, Македонии и самой Греции. Уже к концу VI в. славянское население, жившее на территории, примерно соответствовавшей современной Болгарии, попало под власть булгар, алтайского народа, одна часть которого проникла на Балканский полуостров, а другая осталась на нижней Волге. Тогдашнее славянское население претерпело военное поражение от булгар, но, превосходя последних в численности, быстро ассимилировало их. Булгары оставили после себя лишь название своего народа и несколько лексем в славянском языке. На северо-востоке обширной славянской территории остаточные группы балтийского и финского населения, несомненно, существовали еще долгое время, частично в недоступных местах, защищенных непроходимыми лесами и обширными водными пространствами.

1.2. Языковое единообразие и диалектные различия; внутренняя и внешняя реконструкция общеславянского языка.

Неудивительно, что внутри такого обширного ареала, который с различной плотностью населяли славяне к началу VII в., должны были существовать диалектные различия. Однако кажется, что приблизительно до 500 г. н.э. их общий язык, хотя и распространенный на значительной географической территории, был еще в большой степени однородным. Такое предположение подтверждается выводами, сделанными лишь недавно: некоторые из фонетических изоглосс, на основании которых обычно устанавливалось деление на два главных диалектных ареала, в действительности могут датироваться лишь временем после 500 г. н.э. Это традиционное деление постулировало западную группу общеславянских диалектов, потомками которой предположительно были западнославянские языки, и восточную диалектную группу, которая, как считалось, была предком восточно-славянских языков. Предположительной границей между группами был верхний и центральный Буг. Релевантными изоглоссами считались: 1) частично различные результаты так называемой второй (регрессивной) и третьей (прогрессивной) палатализаций веллярных, в частности различные

рефлексы общеслав. х и kv, gv (xv); 2) сохранение сочетаний tl, dl (в западнославянском), чему противопоставлено их упрощение (>l в восточно- и южнославянском); 3) возникновение и сохранение эпентетического l в восточной группе в противоположность отсутствию его (по крайней мере в определенной позиции) в западной и 4) различная трактовка общеслав. tj, dj, унаследованных в восточной группе в виде аффрикат, большей частью шипящих, в некоторых случаях вторичных фрикативных (в восточно- и южнославянском языках), но соответствующих свистящим звукам в западной (западнославянской) группе. *С большой степенью уверенности мы можем считать, что вторая палатализация велярных не начинала действовать приблизительно до 600 г.н.э. и что третья палатализация, время действия которой частично совпадало со временем действия второй палатализации, не действовала ранее VIII в. [В настоящее время увеличились данные в пользу того, что так называемая “третья палатализация заднеязычных” произошла раньше второй палатализации, праславянских характер которой в последнее время подвергся сомнениям, см. А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. — В кн.: В.Л.Янин, А.А.Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977 — 1983 гг. М., 1986.]* Далее, есть основания предполагать, что эпентетическое l возникло во всем славянском ареале, и его исчезновение и его выпадение в отдельных позициях в западной группе вторично, как, впрочем, и его выпадение в части южнославянского ареала, именно в македоно-балгарском. Результаты ассимиляции t', d' (< общеслав. tj, dj) также относительно поздние (позже 500 г.). Что же касается упрощения tl, dl в восточной части общеславянского языкового ареала, то имеются данные, говорящие о том, что оно имело место ранее VI в. Однако здесь ситуация тоже довольно сложная: tl, dl сохраняются в северо-западной части южнославянского языкового ареала, отражаются как kl, gl в ограниченном районе распространения восточнославянского, не говоря уже о других деталях, затемняющих общую картину. Поэтому данная единственная изоглосса, разделяющая западную (в дальнейшем западно-славянскую) и восточную (в дальнейшем восточно- и южнославянскую) группы общеславянского языка, имеет несущественное значение либо вообще никакого значения не имеет (Бирнбаум 1966.; Штибер 1969/71; Щевелев 1964).

Итак, есть серьезные основания полагать, что приблизительно до 500 г. н.э. общий язык славян был еще в высокой степени единообразным. Не имеется прямых свидетельств, говорящих о фонологической и грамматической (морфосинтаксической) структурах и основном словарном составе общеславянского языка, которые развивались будучи в общих чертах однородными, до 500 г. Фактически все попытки восстановить эти ранние этапы общеславянского праязыка должны поэтому основываться на методе внутренней реконструкции, т. е. технике, с помощью которой данные последней фазы уже неоднородного общеславянского языка периода 500-1000 гг. н.э. могут быть спроецированы в прошлое. Этот метод позволяет привлекать некоторые факты морфонологических чередований, конкурирующих словоформ и сосуществующих синтаксических структур на позднем этапе существования общеславянского языка. Имеются ввиду первичные (в противовес вторичным и даже третичным) звуки, формы, а также по крайней мере, отдельные типы фраз и предложений. Применение этого метода позволяет предложить относительные хронологии общеславянских языковых изменений (Бирнбаум 1970). Обоснованность полученных таким путем результатов во многих случаях может быть в последствии подтверждена соотношением гипотетических первичных общеславянских (= праславянских) данных с фактами других индоевропейских языков. Таким образом, методы внутренней и внешней реконструкции могут быть здесь использованы для дополнения друг друга и для подтверждения выводов одной реконструкции выводами другой. Структура раздробленного позднего (после V в.) общеславянского языка в свою очередь может быть реконструирована на основании данных, взятых из засвидетельствованных славянских языков, частью в их самом раннем зафиксированном состоянии. Однако здесь лингвист не связан только косвенными данными, а может, в дополнение к ним, прибегнуть к некоторым фактам, имеющим более непосредственное отношение к позднему общеславянскому языку.

1.3. Наиболее ранние славянские тексты.

Что же представляют собой прямые свидетельства, относящиеся к периоду выделения славянских диалектов, которые в ту эпоху были распространены на обширной территории? К этому периоду относится “создание” древнецерковнославянского языка — первого литературного языка славян — Константином-Кириллом (ум. в 869 г.) и Мефодием (ум. в 885 г.). По-видимому, до нас не дошли автографы “солунских братьев” и их ближайших сподвижников. Большая часть сохранившихся древнецерковнославянских текстов — это копии более ранних оригиналов, датирующихся концом X и XI в. Тем не менее они достаточно четко отражают славянский диалект, на котором говорили в IX и X вв. в Болгарии (включая ее западную часть, Македонию). Особый интерес представляют, кроме того, две короткие рукописи, относящиеся, вероятно, ко второй половине X в.; их весьма архаичный язык при сохранении всех черт древнецерковнославянского языка содержит ряд особенностей, указывающих на северо-западное происхождение рукописей: это *Киевские листки* и *Фрейзингские отрывки*. Сохранившаяся копия Киевских листков имеет несколько фонетических “моравизмов” (или “богемизмов”) и одну морфологическую черту, характерную скорее для северных, чем для южных славянских языков; в дополнение к этому в словаре Киевских листков имеется много западных элементов (латинского и/или древневерхненемецкого происхождения). Часто полагают, что эта рукопись создана в Чехии (Моравии) или же записана чешским (либо моравским) писцом, который прибыл на Балканы. Однако более вероятно, что “моравизмы” КЛ отражают некоторые черты ранней (или оригинальной) славянской версии этого текста, тогда как сохранившаяся копия указывает скорее на один из северо-западных районов Балканского полуострова. Менее приемлема точка зрения, согласно которой язык КЛ в действительности это образец говора одного из ареалов славянского языка, предположительно Панонии, и что языковые особенности этого текста скорее представляют собой подлинные черты особенного позднеобщеславянского диалекта, а не указывают на некоторую искусственную примесь западнославянских черт к исходному македоно-болгарскому типу древнецерковнославянского языка. Характер Фрейзингских отрывков еще более противоречив: некоторые лингвисты считают, что в основе этого памятника лежит древнецерковно-славянский (раннего дославянского или панно-моравского типа), на который наслоились вторичные славянизмы (Исаченко 1943). Другие видят в нем образец древнеславянского, поверхностно и не полностью подогнанного под нормы древнецерковнославянского языка (см. специально Freisinger Denkmäler 1968).

1.4. Этнические группировки и языковые связи внутри расчлененного позднеобщеславянского; свидетельства лексических заимствований и топонимики; окончательное членение славянского языкового ареала: деление на три диалекта; ядро и периферийные зоны.

Хотя еще не установлены все детали, касающиеся путей, по которым славяне продвигались на юг со своей “расширенной” прародине, кажется, как уже отмечалось, что они следовали двумя основными путями: один шел через современную Румынию к центру Балкан, второй — через перевалы Карпат и Судет, сначала на территорию современной Чехословакии (Богемии, Моравии, Словакии), в Панонию и прилегающие регионы восточных Альп, и далее в западные районы Балканского полуострова. Видимо, здесь, в современной Югославии, славяне, двигавшиеся с севера и северо-запада, встретились и смешались с другими славянами, шедшими в западном направлении с берегов Черного моря. Два этнонима — *хорваты* и *сербы* (или *сорбы*), вероятно иранского происхождения²³ — свидетельствуют об этом раннем присутствии славян на Балканах. До 1000 г. н.э. этноним *хорваты* обозначал не только предков современных южнославянских хорват, но и некоторые славянские группы, жившие на северных склонах Карпат и Судет (*белые хорваты*). Также *сербы* — это не только название одного из балканских народов, но и название (правда, в несколько иной форме — *сорбы*) западных славян Лужиции (области между Силезией и Саксонией в современной Восточной Германии), остатков когда-то многочисленного славянского населения, занимавшего в Средневековье территорию

между центральным Одером и Нейсе на востоке и Заале на Западе.

Тесные связи первоначально существовали между языком, на котором говорили в Словении (включая часть Каринтии), и западнославянским языковым ареалом. В добавлении к некоторому числу общих лексических и грамматических черт, особого упоминания заслуживают две фонетические особенности, отражающие эту связь: частичное сохранение сочетаний *tl, dl* в словенском, что объединяет его с западнославянским; стяжения типа *statī (<stojati)*, *batise (<bojati se)*, которые словенский имеет наряду с чешским, словацким и южнопольским (включая современный литературный польский). Чрезвычайно тесное родство между южнославянским и южной (закарпатской) частью западнославянского подтверждается далее идентичным развитием общеславянских звуковых последовательностей *tärt, tält, tært, tēlt (> trāt, tlāt, trēt, tlēt)*, где *t* обозначает любой согласный, следует также отметить, что в соответствии с современными представлениями, мы не заменяем традиционное общеслав. *o* на общесл. *ǎ*. Упомянутые контакты прервались в конце IX и начале X в. впоследствии прихода и постоянного поселения мадьяр на Великой венгерской равнине и задунайской Панонии (в нынешней западной Венгрии). Как отмечалось выше местное население Панонии, покоренное мадьярами, было в основном славянским и говорило на некотором диалекте или диалектах, переходных между прасловацким (или “моравским”) и прасловенским. Высказываемое иногда мнение, что древние паннонские славяне, жившие к северу от озера Балатон, говорили на прасловацком, тогда как жившие на юге и юго-западе от него — на раннем словенском, вряд ли имеет достаточные основания. Так называемые югославизмы, то есть южнославянские черты в словацком и, в частности, в центральных (исторически южных) словацких диалектах, — также следы ранних связей между этим регионом и славянским Югом.

Слова, заимствованные раннеславянским языком, и заимствованные из славянского в другие языки имеют большое значение для наших знаний об общеславянском языке и его диалектах. Если этот богатый источник информации используется с надлежащей осторожностью, он представляет важные факты по таким спорным проблемам, как хронология развития общеславянского языка, палатализации велярных и их непосредственные результаты; возникновение так называемых редуцированных гласных и их последующее исчезновение или модификации; денализация (и часто сопутствующее изменение тембра) носовых гласных и т.д. Особенно важны славянские заимствования из финского, балтийских, германских, восточно-романских языков и, с другой стороны, заимствования из славянского в финских, балтийских, германских, балканских, романских, венгерских, греческом и албанском языках. Наиболее показательны в этом отношении славянские заимствования и топонимы в ареалах, которые были временно заселены славянами. Это относится, например, к территории современной Венгрии и большей части Греции: славянские лексические и топонимические данные оттуда представляют наиболее ценные сведения о фонетике местных общеславянских говоров VII — IX вв. Другой ареал симбиоза раннеславянского и неславянского, отразившегося в лингвистически обнаруживаемой славянизации позднелатинских/ранневосточнороманских топонимов, простирается вдоль северо-восточного побережья Адриатического моря и Албании.

Недавние исследования общеславянской диалектологии, видимо подтверждают статистическую обоснованность традиционного деления славянских языков на три группы (западнославянскую, восточнославянскую и южнославянскую), однако они не подтверждают точку зрения, предполагающую прямолинейное развитие славянских языков в виде родословного дерева. Необходимо отметить, что периферийные части внутри каждой славянской языковой группы не подвергались всем ранним изменениям и не обладают всеми характерными чертами данной языковой ветви. Так, можно показать, что полабский язык, самый западный представитель западнославянской языковой группы, развивался в некоторых отношениях иначе, чем другие западнославянские языки (ср., например, развитие еров в полабском). Аналогично, македоно-болгарский язык достаточно рано подвергся глубокой балканизации, которая включила юго-восточную часть южнославянской группы (то есть болгарский, македонский и

торлакские диалекты сербохорватского языка), в балканский ареал языковой конвергенции и переделала фонетико-просодическую и грамматико-фразеологическую структуру затронутых языков в соответствии с лингвистической моделью, первоначально чуждой южным диалектам позднего общеславянского языка. Первые указания на типично балканскую языковую эволюцию прослеживаются на самом деле уже в древнецерковнославянском языке. Наконец русский язык — первый из восточнославянских языков по численности говорящих, в значительной степени развившийся на территории с балтийским и финским субстратом, не обладает некоторыми древними фонетическими и грамматическими чертами, имеющимися в украинском и/или белорусском, тогда как последние имеют такие параллели в словацком и польском (а отчасти в чешском, сербохорватском и других языках). Например, такие два явления, как особое развитие $ь/ъ + j$ ($>i/u + j$) и рефлексы так называемого компенсаторного удлинения гласных (в основном дающего высокие или диффузные гласные), которых нет в русском языке. Таким образом, если разделение славянских языков на три группы справедливо и в свете текущих исследований общеславянской диалектологии, то деление на группы внутри славянского языкового ареала, а именно деление его на центральную область и некоторое количество отдельных периферийных зон с частично отклоняющейся (и чаще замедленной) эволюцией, еще нуждается в уточнении. Эта вторичная внутренняя перегруппировка также имеет начало уже в период функционирования позднего общеславянского языка.

1.5. Общеславянский (праславянский) язык как ветвь индоевропейского: его соотношение с родственными группами языков, особенно с германскими, индо-иранскими, балтийскими; оценка славянско-неславянских изоглосс.

Есть многочисленные лингвистические данные, которые позволяют судить о структуре и внутреннем (диалектном) членении позднеобщеславянского языка. Труднее дело обстоит с реконструкцией раннеобщеславянского (праславянского) языка. Методы восстановления ранних этапов развития славянского праязыка менее надежны, и потому получаемые результаты следует расценивать как более гипотетические. Однако, как было показано выше, в дополнение к методу внутренней реконструкции, гипотетическая модель, а возможно, и точная структура раннеобщеславянского языка может быть в некоторой степени восстановлена, если обратиться к традиционному, но постоянно совершенствуемому методу сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Вернее, эта гипотетическая модель может быть установлена с большей вероятностью и более детально, если данные, полученные путем сравнения, ввести в общую структуру, полученную методом внутренней реконструкции.

Какие же из родственных индоевропейских языков наиболее близки славянским и какие главные черты сближают их со славянскими языками? Хорошо известно, что традиционное деление славянских языков на сатэмные и кентумные, которому одно время придавалось первостепенное значение, сейчас трактуется как второстепенный классификационный критерий. После открытия хеттского и других анатолийских языков, а также двух диалектов тохарского (в результате чего был сделан вывод о том, что эти языки, несмотря на их локализацию на крайнем юге и крайнем востоке индоевропейской языковой территории, принадлежат к группе кентум), широкое признание получила гипотеза, что “сатэмизация” части индоевропейского языкового ареала должна рассматриваться как ранняя инновационная черта центрального региона этого ареала. Деление языков на сатэмные и кентумные может. Таким образом, рассматриваться как диалектное параллельное развитие внутри позднего индоевропейского языка. Поэтому тот факт, что две индоевропейские группы, наиболее близкородственные славянскому языку — а именно балтийский и в меньшей степени индоиранский (арийский) языки, — объединяются со славянским по той причине, что все они представляют собой сатэмные языки, едва ли имеет столь большое значение, какое склонны были придавать ему сторонники представления об индоевропейском языковом родстве, ориентировавшиеся на родословное дерево языков.

Попытки установить изоглоссы, общие славянскому и некоторым другим группам

индоевропейских языков, осложняются тем, что часто бывает трудно вычислить элементы, унаследованные из праязыка, то есть имеющиеся архаизмы, а также междиалектные инновации периода расчлененного, диалектно раздробленного праиндоевропейского языка. С другой стороны, имеются черты, которые объединяют славянский с другими родственными языками и являются результатом ранних контактов в период после распада праиндоевропейского языка, соседства или в некоторых случаях даже территориальных симбиозов. И поэтому их можно считать ранними заимствованиями, а также субстратными или связанными с языковыми союзами явлениями (ср. Polak 1969).

Среди множества общих черт, присущих славянским и балканским языкам, особенно трудно провести четкую границу между явлениями, независимо унаследованными, и явлениями вторичными, заимствованными или каким-либо иным образом перешедшими из языка в язык. Из этих сходств прежде всего на себя обращают внимание некоторые синтаксические параллели, и далеко не всегда ясно, отражают ли они влияние, оказанное одной группой языков на другую, или они, наряду с некоторыми надежно установленными фонетическими и лексическими соответствиями, а также более редкими и в целом менее заметными морфологическими — в большинстве своем словообразовательными — общими чертами, могли бы рассматриваться как часть балто-славянского наследия из праиндоевропейского языка.

Что касается связи между общеславянским и раннегерманским (особенно готским), между дописьменным славянским и индоиранским (особенно иранским) языками, то здесь данные противоречивы, потому что неизвестно их происхождение: являются ли они общим наследием из индоевропейского праязыка либо перешли вторично из одной группы языков в другую. В большинстве случаев это касается элементов лексики, которые часто оказываются заимствованными в славянский язык, если не являются “бродячими словами” (нем. *Wandwörter*) неопределенного происхождения, попавшими в язык неизвестным путем. В других случаях еще менее ясно, считать ли данные явления чертами, которые сохранились в этих языках параллельно, либо они продукт заимствований или независимого развития, результаты которого совпадают или сходны. Это такие явления, как, например, наличие суффикса (и/или инфикса) -n- в германском и славянском (а также балтийском) языках как способа образования инхоативных глаголов и, возможно, также самое раннее появление семантико-грамматической категории совершенного вида и ее формальное выражение с помощью префиксации, рудиментарно представленной в германском, более развитого в балтийском, но полностью сформировавшегося только в славянском языке.

В других случаях параллелизм может быть только поверхностным и расходится в деталях. Движущие силы его если не универсальны, то, во всяком случае, общи для ряда языков. Случай такого типа, вероятно, представлен в подобии двух параллельных звуковых изменений в славянском и отчасти балтийском и индоиранском языках:

и.е. $s > \check{s}$ в индоиранском, x (~ $\check{s}$ перед передними гласными) в славянском, когда ему предшествовали $\check{i}$, i , $\check{y}$, $\bar{u}$, r , k (и их аллофоны); в балтийском $s > \check{s}$ регулярно после r , k спорадически после $\check{i}$, i , $\check{y}$, $\bar{u}$ (кроме того, этот переход явно отражен только в литовском, но затемнен в латышском и древнепрусском языках из-за вторичных изменений $\check{s} > s$; s_j , $t_j > \check{s}$, а в древнепрусском к тому же колебаниями в орфографии);

и.е. k , g (gh) c , dz перед первичными передними гласными (i , $\check{i}$, $\bar{e}$, $\check{e}$) в индоевропейском и славянском языках (где $dz > z$). Соображения, основанные на хронологии, фактически исключают здесь возможность генетически общих черт.

Возвращаясь теперь к специфическим общим чертам славянских и балтийских языков, необходимо отметить, что существуют различные мнения как о причинах этих сходств, так и о точном их числе, которое у различных исследователей варьируется между десятью и более чем двадцатью. Краткий обзор различных подходов см. в Birnbaum 1970a. Картина славяно-балтийского языкового родства еще более затемнена тем, что некоторые черты, общие для двух этих групп, имеют также более или менее прямые соответствия в той или иной ветви

индоевропейской языковой семьи (в особенности в индоиранском и германском языках), в то время как другие общие черты характерны только для славянского и балтийского. Кроме того, славянский имеет ряд общих черт не со всеми известными балтийскими языками, а лишь с частью их, обычно либо с западнобалтийскими, либо с восточнобалтийскими или же с одним из последних. Такая ситуация предполагает, в частности, раннее распадение общепалатального, если постулирование достаточно однородного балтийского вообще реально.

Если отбросить спорные и некоторые частичные сходства между славянским и балтийскими языками, то останется ряд важных черт, общих балтийскому и славянскому языкам. Вот далеко не полный список этих черт:

1. значительное число лексических единиц, характерных только для славянского и балтийских языков (лучший и полный обзор их см. в Trautmann 1923);
2. двойственные рефлексy ir/ur, il/ul, in/un, im/um <и.-е. r, l, m, n, m — слоговых плавных (с последующим ларингалом и без него);
3. параллельные рефлексy слав. ju, балт. jau <и.-е. —u(-u)²⁴.
4. Рефлекс r,-l <и.е. ur-,ul-;
5. некоторые поразительные сходства в акцентологии (интонация, место ударения);
6. использование первичного (индоевропейского) аблятива в функции генетива ед.ч. в основах на -o: слав.-а, лит.-о, латышск.-ā <вост.-балт. -ā (<-ā) <и. -е.-oad;
7. сходное образование полных (“определенных”) прилагательных с помощью местоименного суффикса (постпозиции форм местоимения *ios, или *is, или их контаминации), например: русск. босой, польск. bosy и т.д. <*bosъ-ь, лит. basasis (некоторые хронологические и прочие детали остаются спорными);
8. склонение активных причастий (настоящего и прошедшего времени) по основам на -jo-/-jā-;
9. совпадение в образовании некоторых косвенных падежных форм личного местоимения 1л.ед.ч. (*men-/mon-/mun-);
10. сходное образование собирательных числительных с помощью суффикса -er/-or;
- . большое число поразительно сходных типов именного словообразования, например: русск. ратай <ortajъ, лит. artojis; русск. венец <venъсь < *venъкъ/венок <venъкъ; лит. vainikas, диал. латышск. vainukas;...
12. некоторые общие, а также частичные параллели в глагольном словообразовании, например: др.-ц.-сл. -ovati/-uja, лит. auti/-auju; образование основ прошедшего времени на -ē/-ā; др.-руск. дамь, дасть, др.-лит. duomi, duosti и т.д.

Прочим деталям и дискуссиям по этому вопросу посвящены работы: Fraenkel 1950a; Arumaa 1964; Stand 1966; Senn 1966. Общий обзор изоглосс, объединяющих славянский и балтийский с другими группами индоевропейских языков, в Porzig 1954.

Зализняк (берестяные грамоты)

§ 26. Для выявленных выше древненовгородских словоформ (кѣле, кѣлѣ, хѣри, звѣздѣ), по-видимому невозможно предположить какое-либо правдоподобное объяснение, кроме простейшего: *они непосредственно сохраняют праславянский облик, то есть в них никогда не было второй палатализации.*

Тем самым эти словоформы служат мощным аргументом в пользу гипотезы, выдвинутой в частичной форме Б. М. Ляпуновым, а в полной форме С. М. Глускиной об отсутствии второй палатализации в новгородско-псковском диалекте (см. Глускина).

С. М. Глускина собрала значительный диалектный материал, свидетельствующий о наличии в псковских и других северо-западных говорах ряда корней без эффекта второй палатализации (а именно, корней *кев-*, *кед-*, *кеп-*, *кет-*, *квел-* в соответствии с общерусскими *цев-*, *сед-*, *цеп-*, *цвет-*, *цвел-*); указаны также следы варианта *гвязда* — отмеченный А. А. Шахматовым пример *гвязда* в записанной А. Гильфердингом онежской былине и приводимый В. И. Чернышевым рассказ жителя псковской области о том, что в старину говорили *гвязда*.

СРНГ: (...значения слов приведены несколько упрощенно): кевь "рукоядка цепа" Пск., *кевок* (*кивок*) то же Пск., кевьё то же (без указания места; ср. *кевьё* [без указания значения] Сев.-зап.), *кевец* "било" (цепа) Пск. Кевка "*шпулька*" Арх., Петерб., Пск., *кевца* то же КАССР, Пск. *кевечка* то же КАССР, Пск.; *кедилка* "цедилка" Пск., ; *келить* "дразнить, сердить, доводить до слез" Арх., КАССР, *килить* "жаловаться, неотступно просить" Арх., КАССР, *келиться* "плакать, хныкать, жаловаться" Арх., КАССР (также *килиться* Арх., Онеж., Волог., Пск., Твер., Свердл.); *кеп* "цеп" Нов., Пск., ... {в основном приведены основные слова без производных} ... Приведенным словам очевидным образом соответствуют представленные в литературном языке или в других говорах слова с *це* (из *цѣ*): *цевьё*, *цевка*, *цедить*, *цеж*, *цеп*, *цепы* и их производные; для *келить* ср. *целить*.

Как легко видеть. Практически все приведенные диалектные слова относятся к великорусскому северо-западу, то есть к основной территории древней Новгородской земли.

По характеру географического распространения с ними сходны также слова с корнем **гвѣрст-* "древесина, толченый камень". С.-хорв. (черногорск.) *зврст* "род мягкого камня" показывает, что хотя после *гв здесь стояло *ьр* а не "классическое" *ѣ*, этот корень в принципе подлежал третьей палатализации. Материал по ЧРНГ: *гверста* "древесина, толченый камень" Нов., Пск., ... *гверзда* "галька" Пск., Петерб., *гверстью* "с треском" Нов., ... имеются также варианты с другим порядком корневых согласных (*грества* и *жерства*). ... известно бежецкое *огвездить* "сильно ударить", ср. *звездануть*, *озвездить* в других говорах.

Шире распространены слова с *кв*: *квелить* "дразнить, сердить, обижать" (также *квилить*; ср. выше *келить*); это слова представлено во многих говорах, но особенно широко в северновеликорусских и сибирских; *квести*, *квесть* "цвести" Пск., Олон., Смол., *кветк* "цвет", "цветок" (преимущественно северо-запад и юг) и некоторые другие производные; в названии цветка и его производных начальное *кв* представлено также в белорусском и украинском.

В ряде случаев старый фонетический облик корня сохранился в топонимах (или в наименованиях лиц) древней новгородской земли. ...деревни: *Кѣжжова*, *Херово*, *Херково*, *Херцово-Мелехово*, *Херик*, и, что особенно ценно, *Хидово*. Далее, в НПК встретились: *Моисей Хѣровъ*, *Иван Херко*. Широко отражен корень *гверст-* (*гверзд-*): *Гверстянка*, *Гверстка*, *Гверестно*, *Гверзено* и др. Отметим также деревни *Погвиздь*, *Погвиздь*, ср. имя *Позвиздь*, известное из I Новг. лет., и, с другой стороны, топоним *Pogvizdow* в Польше.

Итак в новгородско-псковском ареале засвидетельствованы без эффекта второй палатализации (в берестяных грамотах, топонимах и современных говорах) праславянские корни: **kev-* **ked-*, **kel-* "целый", **kel-/kvel-* "дразнить", **kep-*, **kvet-* (**kvѣt-*), **xed-*, *xer; **gvezd-*, **gvѣrst-*. Из оющераспространенных корней до полного списка недостает только **ken-* "цена"; не исключено, впрочем, что слово *цѣна* носило в древнерусском книжный характер и, следовательно, с самого начала выступало с *ц*.

§ 27. (стр. 114) В особом положении находятся корни с начальным *ske, поскольку в восточнославянских языках "правильный" рефлекс *сѣ* для них вообще неизвестен. Реально для этих языков речь может идти лишь о трех корнях: **skep-* "расщеплять, щепать", **sker-* "щерить" (зубы), **skem-* "щемить". Как можно видеть во всех трех случаях в литературном языке находим *щ*; в остальном поведение этих корней неодинаково. Для корня **skep-* находим начальное *ск* в укр. *скіпати* "щипать" (лучину), *скіпа* "щепка", белор. *скепаць*, *скепка*; также южновеликорусское *раскеп* "раскол и т.п.", др.-р. *оскѣпль* "копье", *оскѣпнице* "древко копья", *проскѣпль* "расщеп", *поскепаны* "расколоты" (в "Слове о полку Игореве") и другие (см. *Шахматов* § 306). Однако ситуация осложнена тем, что имеются также корни-варианты **skep-* и **sker-*, которые, дают *щ* повсеместно, ср. Др.-р. *щепом* д.мн. "затмению (или ущербу) луны" (по-видимому, из *щѣп-*), *щнение* лунное, *луна щнется* (см. Срезн.), *иглы и щопы* "щепки" вин.мн. (Никоновская летопись, под 1237 г., см. Срезн.), *счепы* "щепки" вин.мн. (южновеликорусская летопись конца XVI в. со строгим различием *е* и *ѣ* под ударением); ... Нов., *щипа* "щепка". В этих условиях очень трудно ограничить случаи, где *щ* возникло фонетически в составе *ske,

от тех, где оно пришло из корней с *skъ, *ske и *ski.

В корне *sker- (если его действительно можно реконструировать в таком виде) находим особый рефлекс шк в укр. Шкірити зуби, белор. Шкерыць зубы (но также шчэрыць) этот рефлекс в данном слове встречается также в старочешском и в словацком (Дурново 1926, с.219). северновеликорусское щера "каменная плита", вероятно, не связано с данным корнем (см. Фасмер).

Для корня со значением "щемить", по-видимому, следует реконструировать два варианта: *skъm и *skem. первый представлен в польском szcміc, szcміac "жать, сдавливать", а также в названии шмеля, ср. в особенности ст.-чешск. šcmel, пск. щемель (подробнее см. Фасмер статья шмель). К варианту с ь, вероятно восходит и укр. щеміти (наряду с щиміти)"щемить" (от боли); это глагол состояний на -ѣти, для которого нормальна исконная нулевая ступень огласовки корня. Вариант *skem- наиболее отчетливо засвидетельствован примерами: скѣмима вин.мн. "щемимые" (Творения Феодора Студита, ... — рукопись писанная в 1590 г. Пскове), щѣмить (Травник, — южновеликорусская рукопись первой трети XVII в. Со строгим различием е и ѣ под ударением). Особенно интересен первый пример, поскольку вариант скѣм- отражен здесь псковской рукописью.

Отсутствие палатализации в *ske, в частности, в украинском и белорусском явно связано с "защитной" ролью, которую часто играет s в подобных случаях (в самых разных языках), ср., например, итал. questione при stazione, posizione и т.п. Переход *ske > щѣ (в корнях) Н. Н. Дурново считал северновеликорусским (Дурново 1926, с. 216, 217). Для нас существенно, однако, что приводимый у Н. Н. Дурново материал с щѣ- внутри корня является просто великорусским или северновеликорусским, но не может быть с надежностью отнесен именно к новгородско-псковской зоне напротив в Комиссионном списке I Новгородской летописи находим проскипомъ (Шахматов, § 306); ср. также выше псковский пример скѣмима. Учитывая эти факты и отсутствие в древненовгородском диалекте второй палатализации в корнях кѣ, хѣ, кѣѣ, гѣѣ, естественно предположить, что и скѣ не составляло здесь исключения; иначе говоря, если развитие *ske > щѣ действительно было фонетическим, его следует связать с каким-то восточными великорусскими говорами, но не с северо-западными.

§ 28. В вопросе об отсутствии второй палатализации в древненовгородском диалекте приведенный выше материал является решающим. Остальной материал в сущности привносит лишь некоторые дополнительные детали. Тем не менее весьма полезно систематически представить все, что дают берестяные грамоты по вопросу о второй палатализации, поскольку только таким образом можно увидеть целостную картину в ее действительных пропорциях и с эволюцией во времени.

Для позиции в начале и в середине корня материал таков. Палатализации²⁵ нет: кѣлѣ, кѣлѣѣ (XI), (г)вѣздѣкѣ (XII), хѣри род.ед. (XIV/XV), 4 раза; отметим также Берегѣри "на Селигере" (XI).

Палатализация есть. Сюда попадает, во-первых церковное слово **церковь: во церкви (въ церковь) (сер. XIV), в цѣркѣѣ (XIV)**; также **цѣлоу тѣ** "приветствую тебя" (XII/XIII) в письме попа к иконописцу. Прочие примеры: **цѣлон полоть (XIII), цѣлованкѣ (XIV) полтина да гривна и семкѣ цѣна (XIV), целовало (XIV)**.

От данной группы следует отделять название цепи, поскольку оно хорошо засвидетельствовано в звуковом облике **чь** (а не **цѣпъ**), в древнерусских памятниках, не смешивающих ни **ц** с **ч**, ни **ѣ** с **е** (в Лаврентьевской летописи, московских грамотах XIV в. и др., см. Срезн.). в берестяных грамотах представлены: **двои чѣпи (XIII/XIV), чѣпъ (XIV), чѣпѣ** (по-видимому, р.мн. — вместо **чѣпен** или **цѣпен**) (XIII/XIV), то есть данные берестяных грамот согласуются с показаниями других древнерусских памятников.

Таким образом в не книжных словах до середины XIII в. нет ни одного примера с эффектом второй палатализации внутри корня. Не немного раньше (XII/XIII) встретился и первый книжный пример (**цѣлоу тѣ**); но для этой категории слов хронология скорее всего

не играет существенной роли (то есть слова, пришедшие из книжного языка, вероятно, могут встретиться с эффектом второй палатализации в любой момент письменной истории).

Приведем теперь (в хронологическом порядке) материал для позиции на стыке основы и окончания. В нашем списке объединены то есть случаи, где окончание с **ѣ** (или с *и*) исконно, и то есть, где оно выступает вместо исконного окончания (поскольку никакой разницы в облике между этими случаями не обнаруживается).

Палатализации нет: **XI** на **Лоугѣ, на Пѣжыкѣ, на Животтѣкѣ**; **XII** на **отроке, кѣльчѣкѣ** вин.мн. **Ѹ** **Стороньке, на (г)вѣздѣкѣ великѣкѣ** вин.мн.; прочие **XII** — **Ѡ** **Дрочке, кѣ Коулотѣкѣ, Ѹ** **вѣдке, кѣ Лоукѣ, КѸзекѣ** (дат.ед. или р.ед.), **придоу по великѣ д(ьни), вьжники** и.мн., **ѹ** **Лодыге**; **XIII** **ко Оуике, моги же, не моги же, вѣ дрѹгее коровее (вѣ дрѹгѣи коровѣкѣ)** м.ед.; **XIII** — **сапоги** и.мн., **дрѹгии** и.мн. муж., на **Местатке, на тѹске** (вид подати), **кѣ тѣтоке (тетѣкѣ), ѹ** **Бодлике, ѹ** **Васѣке**; **XIII** **XIV** и **XIV** на **Волоки, 2 вѣлоки 2, на рики** "на реке", **Ѹ** **Белих(ѣ), во пороуки** м.ед., на **Зуике, в Пудогѣ, в Пудоги, Ѡ** **Маркѣ (кѣ), сѣхѣ (сохѣ)** р.ед., на лисидни — **никѣ** "на лисичнике", на **кожевникѣ, с кимѣ** "с кем", **могитѣ (то есть), пристриги**; **XIV** **XV**, **XV** по **вѣакѣ, сѣхѣи** и.мн. муж., о **ключникѣ, правицикѣ** и.мн., на **торгѣ, шестьники** и.мн., **Перхи** дат.ед., на **Терехѣ, на Машкѣ** (муж.), **смердыньскѣи** и.мн. муж., к **неавѣстѣкѣ, на сѣньникѣ, мукѣ** р.ед., **испеки, секитѣ, в коровки** м.ед., в **отѣсилкѣ, во вшашкен (ки) землѣ, кромиски земли** р.ед., **оу Тимошкѣ, 3 цветвоутк(ѣ) (ї тк(ѣ)), торокехѣ (ѣхѣ)**. В список не включены случаи, где *-ки, -зи, -хи* в принципе может объясняться также их *-кы, -зы, -хы* (например, **три деньги, Ѡ Юрки**), а также некоторые ненадежные примеры.

Почти все примеры. Где палатализация есть, — это церковные формулы: **ѣи помози (XIII), (по)мози рабѣ сво (XIII** **XIV), на возѣ (сер. XIV), в возѣ (XV), владыцѣ** "епископу" (XV). Часть стандартной юридической формулы (**а на то радѣи и послѣси**) составляет пример **послѣсѣ (си) (XIV)**; ... Вне этих групп стоит лишь один пример: **возми сапозѣ (XIV)** (словоформа и.мн., употребленная в функции в.мн.). все эти формулы кроме **господи помози**, не старше XIV в. (что касается данной формулы, то она несомненно могла употребляется в точно таком же виде и в XI — XII вв.).

§ 29. Особый случай составляет слово "весь". В русистике давно известны два примера с основой **вх** (то есть без эффекта так называемой третьей палатализации): **вхоу** "вся" в грамоте Варлаама Хутынского (около 1192 г.) и **погорѣ ... вхе полѣ** "сгорела вся половина (города)" в I Новгородской летописи, под 1217 г. (*х* здесь подскоблено и заменено на *с*). Еще один пример подскобленной словоформы **вхоу** отмечен В. В. Колесовым в новгородском стихираре 1157 – 64 гг. (См. Мещерский 1969, с. 93). Можно указать также топоним *Вховежъ* (деревня, НПК, V, 671) — производное от личного имени * **Вьховѣдѣ**; ср. в НПК названия деревень *Всевижъ, Всеславле*, где начальная часть выступает уже в общерусском фонетическом оформлении.

Но в парадигме слова "весь" имеется группа словоформ, где окончание начинается с **ѣ** или *и*, и, следовательно, корневое *х* должно было подвергнуться второй палатализации. В берестяных грамотах эти словоформы представлены так. Палатализации нет: **кѣ вьхемо вамо (кѣ вьхѣмѣ вамѣ) (кон. XII), со вхим(и) (сер. XIV), вохи** "все" и.мн. муж. (XIV, грамота с эффектом **ѣ**→*и*), **вхыхѣ** в.мн. (XIV/XV; см. Мещерский 1969 с. 92). Палатализация есть: **верши всѣ** и.мн. (XIII/XIV), **Ѡ всихѣ (XIV)** 2 раза. Таким образом, все примеры с палатализацией — не раньше рубежа XIII — XIV вв.

Для полноты картины приведем также все прочие словоформы данного слова. Без палатализации: **клепанне вохо** в.ед. средний (XII/XIII), **вохо мое** "все мое" (конец XIII), **вохо то мнѣ** "все то мне" (конец XIV); **вхого** (XIII; см. Мещерский), **Ѡ хого десника** "от всего десятка" (?) (палеогр. XIV – начало XV). Наиболее ранний пример с палатализацией — **о всьмо** "обо всем" (сер. XIII). Все прочие примеры — из грамот периода XIV–XV: **все** и .в.ед. средний,

за вьсь (вьсе) то, всю, о всемо, о всѣмъ. Отметим также производные от данного корня. В бытовых грамотах встретилось только **всакоу** (XV); в небытовых грамотах представлены **всака** (кон. XIV; церковный текст) и ранний пример **вьсыгда** (XII; письмо монаха выдержанное в литературном стиле).

Таким образом, в бытовых берестяных грамотах основа **вьс-**, **вс-** появляется лишь с середины XII в.

Заметим, что действие третьей палатализации в данном слове (в каких бы то ни было славянских языках) иногда ставится под сомнение (в частности, Глушкина, с. 39), свистящий же объясняется как результат обобщения основы тех словоформ, где действовала вторая палатализация. Поведение слова "весь" в древненовгородском вполне согласуется с такой гипотезой.

§30. Отдельного рассмотрения требуют несколько примеров с *щ* (все это имена собственные): *оу Тимоше* (XII), **Ѡ Тимошѣ** (XV), **ꙸ Митрошь (щѣ)** (XIII/XIV), **ꙸ Мѣтци (кон. XIV)**. Эти примеры явно связаны с именами на *-шька*; в грамоте 300 мы даже находим одновременно род.ед. **Ѡ Тимошѣ** и и.ед. **(Ти)мошка**, причем, судя по контексту, это одно и то же лицо. Таким образом, создается впечатление, что сочетание *-шьк-* факультативно переходит в *-щ-* (об обязательном переходе говорить не приходится, так как имеются также примеры **оу Тимошкѣ, на Машкѣ**).

Может быть, *-щ-* — это следствие второй палатализации (которая из-за цоканья выглядит здесь как первая)? Но эта версия сразу же отпадает, поскольку рассматриваемое особое поведение **-кѣ** наблюдается только после [ш'], а контакт [ш'] и [к'] в имеющихся примерах наступил только после падения редуцированных, то есть гораздо позже предполагаемого времени действия второй палатализации. Таким образом, *щ* в *Тимошѣ* и т.п. не связано со второй палатализацией; оно либо отражает сравнительно поздний фонетический процесс, либо (что более вероятно) представляет собой графическое явление. Дело в том, что дублетность типа *Тимошѣ* — *Тимошкѣ* разительно напоминает хорошо известную по новгородским пергаментным памятникам дублетность типа *дъждь* — *дъжгъ* (поскольку по обычным древнерусским нормам через *жд* и *щ* передавались звукосочетания, различавшиеся между собой только по звонкости). Очевидно, вопрос о звуковом значении *жд*—*жг* и *щ*—*шк* в древненовгородском диалекте должен решаться совместно. Дублетность типа *Тимошѣ* — *Тимошкѣ*, по-видимому, может служить аргументом в пользу артикуляции с конечным взрывным элементом (типа [ш'к'], [ж'г'] или типа [ш'ʔ], [ж'ʔ']). Вполне вероятно, впрочем, в древненовгородском диалекте существовало несколько типов артикуляции для рассматриваемых единиц (как в современном русском).

§31. Итак, из совокупного материала берестяных грамот с полной ясностью выступает картина диалекта, где вообще не было процесса второй палатализации. Мы не просто находим здесь множество примеров без соответствующего эффекта. Картина гораздо ярче: в бытовых грамотах XI—XII вв. нет вообще ни одного примера с эффектом второй палатализации — ни внутри корня, ни перед окончанием (при этом более чем 20 примерах без этого эффекта). Приеры с палатализацией в раннюю эпоху отмечены только в небытовых грамотах; в бытовых грамотах они появляются в основном лишь в XIV—XV вв.

Из описанной картины не следует, впрочем заключать, что в XI—XII вв. в разговорном языке новгородцев еще совсем не было заимствований из книжного языка; например, выражения **цѣловати кръсть, цѣлованик** почти наверное всегда употреблялись с *ц*, а не с *к*.

Обилие примеров с палатализацией в новгородских и псковских пергаментных памятниках следует отнести за счет книжной нормы. Особенно последовательно книжная норма соблюдена для позиции внутри корня; нарушений здесь (если не считать сочетания *ск*) нами вообще не отмечено. Для стыковки основы и окончания степень соблюдения книжной нормы сильно варьирует в зависимости от типа памятника.

В церковных и близких к ним текстах с палатализацией все обстоит практически так же,

как в старославянском; лишь сочетания *ск* и *зг* обнаруживают тенденцию к сохранению заднеязычного перед **ѣ, и**, например, **женьскѣи** вместо **женьсѣѣи** или **женьстѣи** (см. Шахматов. § 306). Написания вроде **праздникѣхъ** встречаются лишь в качестве единичных недосмотров писца.

Книжные нормы обычно в основном выдерживаются также в записях и переписках писцов...но есть и отклонения...

Летописи мало отличаются в рассматриваемом отношении от церковных текстов. С. М. Глускина отметила, что в новгородских и псковских летописях отсутствие палатализации (на стыке основы и окончания) чаще всего обнаруживаются в личных именах и топонимах, особенно местных.

Пергаментные грамоты официального характера (договоры Новгорода с князьями или с немцами) сходны с летописью: примеров без палатализации здесь очень немного. Напротив в частных грамотах, равно как в грамотах внутреннего управления Новгорода и в дипломатической переписке по вопросам торговли и связанных с ней инцидентов безусловно господствуют варианты без палатализации: **на Борьке, къ рѣкѣ, до рѣкѣ разбонники, в пѣтчикѣхъ** и много других. Варианты с палатализацией сохраняются здесь лишь в церковных и близких к ним формулах (например, **богъ помози, владыцѣ, по велицѣ дни**) а также иногда в юридической формуле **а на то послухи** (или **а на то рѣдци и послухи**), где наряду с более обычным **послухи** в части грамот выступает **послуси**.

Наконец, еще один вид новгородских памятников составляют надписи в новгородском Софийском соборе. Положение со второй палатализацией здесь примерно то же, как в приписках Домки. Так, многократно встречается **ѣи помози** (но также и **ѣи помози** с *ж*, перенесенным из презенса, — Медынцева, XII—XIV); кроме того, **по велицѣ днѣ, облаци** в богословском тексте XI—XII), **Лоуц(ѣ)**. С другой стороны, без палатализации: **Бор(ѣ)кѣ, Глѣвѣкж Бель(кѣ)** (1050—1108 гг.), **въ роуѣѣ** (XI—XII).

Таким образом, данные рассмотренных новгородских памятников по сути дела не противоречат показаниям берестяных грамот, а во многих отношениях непосредственно их подкрепляют. Но, конечно, о многом из того, что в берестяных грамотах непосредственно видно, по показаниям прочих новгородских памятников можно было бы только догадываться. § 32. Вместе с идеей об отсутствии в новгородско-псковском диалекте второй палатализации, С. М. Глускина высказала, хотя и в более осторожной форме, идею об отсутствии в нем также и так называемой третьей палатализации (то есть перехода *к, г, х* в *ц, з, с* после передних гласных). Однако эта идея, по крайней мере в ее полной форме, маловероятна. Следует учитывать, что третья палатализация ни в какой части славянского мира не происходила со стопроцентной регулярностью. Поэтому, чтобы доказать ее отсутствие в каком-либо диалекте, недостаточно указать на наличие примеров, где нет соответствующего эффекта; нужно каким-то образом убедиться в том, что в этом диалекте его не было нигде. Тем самым задача здесь много труднее, чем в случае со второй палатализацией (которая согласно традиционному взгляду, происходила совершенно регулярно).

В действительности по данным берестяных грамот можно говорить об отсутствии третьей палатализации только для *х*; практически речь идет о единственном слове "весь" (см. §29). Однако как уже было отмечено в §29, возможно, что мы имеем здесь дело с чертой свойственной не только древненовгородскому. Но и другим (может быть, даже всем) славянским диалектам.

Для * *г* материала мало: **оуѣсрѣги (оуѣс-)** (палеограф. XII) и ряд примеров на слово *князь* — **къ князю (XI), ѡ княза (XII-XIII), князь (XII-XIII)** и более поздние; ср. **кънагыни (XI-XII), княгыне (XII-XIII)**, с *г*, как во всех славянских языках. Слова "нельзя" и "польза", известные в северных говорах с *г* к сожалению, в берестяных грамотах не встретились.

Наибольшее количество материала имеется для *к. Здесь берестяные грамоты обнаруживают (притом с самого раннего периода) картину, почти не отличающуюся от современного литературного русского языка. Приведем материал ранних грамот: XI — **зядьница** (ср. также **вевериць** в новгородской грамоте); XI/XII — **Степаньцю, соужьдалъць, вѣверицами, отъчеви, грамотичу**; прочие XII — **отъць, вѣверичь (р.мн.) съ чельцьм - "с чельцем", д(ъ)лож(ь)ницю (в. ед.), в дъложениць, пь(ше)ницѣ**; XII/XIII — **лисичь (р.мн.), Вороньца, головице, свинеце, полотенеца**. В более поздних грамотах примеров уже несколько десятков (особо отметим **на Запаце, кадець, кадце**) никаких примеров с к, выходящих за рамки обычного параллелизма суффиксов -к- и -ц-, не отмечено. Приведенные примеры с ц относятся к тому самому раннему периоду (XI-XIII), когда в бытовых берестяных грамотах еще нет ни одного примера с эффектом второй палатализации. Следовательно, о заимствовании из книжного языка здесь говорить не приходится (ибо нельзя объяснить, почему заимствовалось, скажем **вѣверица** и не заимствовалось **цѣль** или **на отроцѣ**).

Таким образом, материал берестяных грамот заставляет нас признать, что в древненовгородском по крайней мере *к третья палатализация осуществилась (причем в объеме, достаточно близком к тому, что обнаруживается в других восточнославянских диалектах). Для *г вопрос остается не вполне ясным; для *х третьей палатализации не было.

Ясно, что традиционной дискуссии о том, какая палатализация — вторая или третья — происходила раньше, выявленные здесь факты являются сильнейшим аргументом в пользу того, что третья палатализация старше второй.

Эволюция кы, гы, хы

Таким образом, материал берестяных грамот, если не считать изолированного и потому не вполне показательного примера *паки*, указывает на переход *кы, гы хы* в *ки, ги, хи* лишь с XIV в. Этот факт вполне согласуется с известным тезисом о запаздывании данного процесса в новгородском диалекте по сравнению с другими диалектами (см. Соболевский, с. 130, Шахматов, § 473, Дурново, § 200). Примеры из берестяных грамот позволяют думать, что и в XIV—XV вв. данный переход завершился не полностью или не повсеместно; ср. аналогичные показания двинских грамот XV в. (Шахматов Двин., с. 82).

Поздний переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* в древненовгородском диалекте естественно связывать с отсутствием второй палатализации. В самом деле, в других диалектах в силу второй палатализации *ки, ги, хи* отсутствовали (если не считать иноязычных имен), что способствовало занятию соответствующих пустых клеток рефлексамі прежних *кы, гы, хы*. В древненовгородском диалекте ситуация была иной, поскольку сохранялись и прежние *ки, ги, хи*. По-видимому, переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* совершился в данном диалекте в значительной мере под влиянием соседних диалектов (и поэтому с опозданием и непоследовательно).

Таким образом, материал берестяных грамот дает основания предполагать, что падение редуцированных в древненовгородском диалекте наметилось уже в XI в. (если не раньше), но в основном протекало в XII в. и начале XIII в. практически завершилось. Этот вывод достаточно близок к тому. Что обычно предполагается на основе данных пергаментных рукописей (по крайней мере. Для юго-запада восточнославянской территории). Данные берестяных грамот показывают, что для Новгорода нет оснований принимать существенно более позднюю датировку, чем для юго-запада.

Следует, правда, признать, что берестяные грамоты достаточно ясно указывают на лишь на то, что падение редуцированных завершилось в Новгороде не позднее начала XIII в. столь же ясных указаний на самую раннюю возможную дату завершения этого процесса грамоты не дают, поскольку неясно, до какой степени орфография могла быть в этом пункте традиционной.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык.

Твердые и мягкие согласные не составляли соотносительных пар... иными словами, мягкость старославянских палатальных согласных была их постоянным (конститутивным) признаком.

Твердые согласные фонемы (кроме заднеязычных) перед гласными переднего ряда произносились “полумягко” — с небольшим смещением по месту образования в направлении твердого неба.

К, г, х в славянских по происхождению словах никогда не произносились перед гласными переднего ряда, следовательно не могли быть полумягкими.

Перед гласными переднего ряда **к, г, х** встречаются только в греческих словах, где они, судя по всему произносились как мягкие (палатальные, среднеязычные): **хитонъ** [х'итонъ], **купарисъ** [к'ипар·исъ], **ангелъ** [анг'ель] и т.п. (одно из свидетельств палатального образования [г'] в греческих заимствованиях — наличие в глаголице специальной буквы “гервь” для этого согласного).

Наличие в ст.-сл. языке в греческих заимствованиях среднеязычных (мягких) [к'], [г'], [х'] противопоставляло фонологическую систему ст.-сл. языка всем раннесредневековым славянским диалектам, не знавшим таких согласных, которые, следовательно не могли восприниматься славянскими книжниками того времени как позиционные варианты твердых заднеязычных согласных.

Лексика

... нет ни одной рукописи (исключая отрывки, представленные 2–3 листками), в которых не было бы слов, употребляющихся только в ней и не встречающихся в других рукописях. Памятники одного и того же содержания, относящиеся к одной и той же эпохе, в словарном своем составе никогда не совпадают полностью.

... значительная часть известных старославянских слов представлена единичным употреблением только в одном памятнике. такие слова принято называть гапаксами (от лат. *gapaх legomena*). гапаксы составляют около 25% зафиксированного в рукописях словарного состава ст.-сл. языка и представлены двумя основными группами. “Гапаксы поневоле” — это слова, единичность употребления которых обусловлена их несвойственностью той сфере действительности, которая отражена известными славянскими текстами, а также ограниченностью состава текста. К числу “гапаксов поневоле” относятся... праславянские по происхождению слова, как **баба, бѣдрость, весна, дружба, заяць, работникъ, тесати, тетъка, хоботъ, челада** и т.д.

Другая группа гапаксов — это специфичные именно для ст.-сл языка как книжно-литературного искусственные образования, нередко — оказионализмы, появление которых в том или ином контексте обязано творчеству отдельного переводчика или редактора. В более поздних церковнославянских текстах подобные образования нередки как проявление индивидуальных особенностей стиля авторов оригинальных произведений. Таковы, ... многочисленные “мотивированные” производные типа **длъгослоужник неизреченьникъ, славословствикъ синобожствикъ** и под.

Около половины ст.-сл. словаря составляет лексика, по происхождению непосредственно связанная с живой славянской речью эпохи первых переводчиков. В подавляющем большинстве это слова праславянские по происхождению и общеславянские по распространению: **зела, соуша, пѣсѣкъ, морѣ, рѣка, вода** (40%).

К этому же слою следует отнести и собственно диалектную лексику, известную только южнославянским говорам (**аеръ** — “воздух”, **вълѣсти** — “войти”) или западнославянским говорам (типа **братръ, дръколь** — “посох”, **животъ** — “жизнь”, **кдинъ** — “некий”, **стоуденьць** — “колодец, источник”). По преимуществу это лексика, хотя и диалектная, но также праславянского происхождения. В эту же группу входят и заимствования, подобные южнославянским грецизмам типа **аеръ, коравль, сжбота** и не др., восходящим (в отличие от основной массы славянских грецизмов) не к языку оригиналов, а к словарю тех южнославянских диалектов, которые непосредственно соприкасались с греческим. Таковы по происхождению и редкие заимствования из других языков (например германские заимствования **блюдо, боуки,**

кѣназь, мытарь, пѣназь, црькы и др.)

... иная группа заимствований, ... охватывающая от 15 до 20 % всего словарного состава сохранившихся текстов, представлена грецизмами оригиналов, оставленными без перевода. Впрочем, очень значительную часть этой лексической группы составляют имена собственные (прежде всего личные и географические, а также производные от них), перевод которых принципиально невозможен. Так что процент грецизмов нарицательных (существительных и прилагательных; грецизмов-глаголов вообще очень мало) для переводов с греческого на язык, не имевший до того книжно-литературной традиции, оказывается значительно ниже, чем можно было бы предполагать в данной ситуации.

... гораздо чаще они старались перевести греческое слово... **олѣтарь** — **жрътвьникъ**, **нерен** — **свѣштеникъ** и т.п. ... **иг'емонъ** и **воквода**, **икономъ** и **домоузаконьникъ**, **домоуправитель**.

Очень характерный способ создания новых славянских слов для перевода лексики греческих оригиналов — словосложение. В старейших славянских рукописях сложным (двух-, а то и трехосновным) является каждое 15-е слово!

В большинстве случаев сложные слова славянских переводов соответствуют греческим сложным словам. Так, например, **благо-воленик** — перевод греч. ἐν-δοκίαε, **благо-дѣть** ("благоденствие") — греч. ἐν-εργησία, **благо-словик** — греч. ἐν-λογία, **жестокосердик** — греч. Σκληροκαρδία, **мало-доушик** — греч. μικρο-ψυχία, **лѣже-пророкъ** — греч. Ψευδο-προφήτης, **скоро-письць** — греч. Ταχυ-γραφος.

Обычно в таких сложных словах вторая часть представляла собой отыменное или отглагольное образование и характеризовалась распространенными словообразовательными суффиксами и окончаниями. Первая часть сложного слова, как правило, представляла имя (существительное, прилагательное и числительное — **кдино-чадъ** — "единственный ребенок", греч. μονο-γενής) и соединялась со второй частью тематическим гласным (**благо**, **жестко**, **мло**, **лѣже** и т.д.; ср. с другим тематическим гласным: **домоузаконьникъ**, греч. ὀικο-νομος — "эконом, управляющий хозяйством").

В ст.-сл. языке подвергся обобщению в качестве элемента соединения основ ("соединительного гласного") тематический -о- (после мягких согласных -ε-), встречающийся значительно чаще других тематических гласных в сложных образованиях. Таким образом по типу **благ-о-словик**, **добр-о-дѣли** ("благодетель"), **мал-о-вѣръ**... и т.д., где -о- действительно восходит к тематическому * Ѡ первой части образований, появились сложные сова типа **вод-о-носъ**, где первая часть (**вод-а**) имела некогда тематический гласный * ā, а не * Ѡ; **мед-о-тчънъ** ("медоточивый"), где первая часть имела в основе тематический * Ѥ; **крѣв-о-пролитик**, где первая основа некогда оканчивалась на * Ѥ; **звѣр-о-видънъ**, где первая часть представляла древнюю основу на * ѣ и т.д.

Сложные имена обычно образовывались для обозначения различных качеств, свойств (**добродѣли** — "делающий добро", **маловѣръ** — "неверующий", **милосердъ** — "добрый сердцем", следовательно, **милосердик** — обладание этим качеством и т.д.), поэтому одно и то же имя могло использоваться и как существительное и как прилагательное (**милосердъ** и **милосердын**, **маловѣръ** и **маловѣрын** и т.п.).

Сложными могли быть и глаголы, образованные от соответствующих именных основ. Так, от **благословик** — **благословити**, от **плодоносънъ** — **плодоносити**, от **милосердъ** — **милосердовати** и т.д.

А. Мейе.

Интонация цуркумфлекса

Интонация цуркумфлекса устанавливается по заменам старых долгих гласных и дифтонгов, которые под ударением в предпоследнем слоге слова имеют в сербском языке долготу; интонация акута устанавливается по краткости в ср.яз. в тех же условиях. в славянских языках интонация цуркумфлекса — нисходящая, а интонация акута — восходящая. ... единство

интонаций балтийских, славянских и греческих.

Акут

Акут: 1) Внутри слова всякая старая долгая гласная имеет интонацию аута, за исключением вторичного изменения интонации: **рыба**, rība.
2) слова заимствованные из западных языков, тоже имеют на долгих гласных интонацию акута: **плоуґъ**, др.-исл. plógr; серб. Plúg, слов. plùg.
3) вторичные дифтонги: **врѣмѧ**, серб. брѣме, слов. брѣме, русс. беремя; **врѣза**...; чеш. слáма, руск. солома — результат падения старого ь (* e)

Цуркумфлекс

Цуркумфлекс: 1) случаи с интонацией цуркумфлекса на старой долгой гласной обязаны своим появлением вторичным изменениям: **сынъ**, чеш. syn в соответствии с лит. sùns (вин.п. sùnc с сохранившимся акутовым ú)...
2) дифтонги с первым элементом кратким, восходящие к общеиндоевропейской эпохе, имеют в балтийских и славянских языках интонацию цуркумфлекса: гот. Snaiws "снег", др.-пр. snaugis, лит. Sniėgas; ст.-сл. **снѣгъ**, серб. снѣјег.

Славянские языки не могут непосредственно свидетельствовать о различиях интонации в конце слова, поскольку все гласные конечных слогов здесь стали краткими, но на славянские интонации конечных слогов указывают передвижения ударения, обусловленные интонацией

Цейтлин.

Слова с формантом -ьць

Мы рассмотрели 10 существительных со значением лица, образованных от прилагательных. Данный тип слова является общестарославянским. Пять слов из 10 употребляется в тексте евангелия, при этом они встречаются и в СП (старославянских памятниках) иного содержания.

Отличительной особенностью слов данной подгруппы является параллельное их употребление в СП с однокоренными субстантивированными прилагательными. Такое соотношение наблюдается в 6 случаях из 10: **лютьць — лютын**, **мрътьвьць — мрътьвын**, **сватъць — сватын**, **слѣпъць — слѣпын**, **старьць — старын**, **хромъць — хромын**. При этом только одно существительное **старьць** употребляется чаще, чем субстантивированное **старын**. В остальных случаях чаще встречается прилагательное. Хотя существительные на **-ьць** в СЯ (старославянском языке) и в других славянских языках от основ прилагательных встречаются реже, чем от глагольных, целый ряд широко известных в других языках слов данного типа в СП не зафиксирован. Таково, например, слово **мждрьць**, хотя слова с корнем **-мждр-** в СП весьма многочисленны — их 29. В этом значении употребляется только прилагательное **мждрын**. Отсутствие при **близньць**, **чръньць**, а также **юньць** соответствующих субстантивированных прилагательных объясняется особенностями существительных и прилагательных как слов разных классов. У данных существительных — значение более узкое, конкретное, наименование лица по одному из признаков, в то время как однокоренные прилагательные характеризуются несравненно более широким семантическим диапазоном.

В качестве греч. соотв. у слов данной подгруппы обычно выступают субстантивированные прилагательные.

*О словах **младѣньць**, **пръвѣньць**, **пѣтѣньць** (и их вариантах).*

Данные слова употребляются в евангелиях СЯ и преимущественно в них. Вместе с тем это слова общестарославянского распространения. Они обозначают или детеныша или маленького ребенка. Существительное **пръвѣньць** собственно значит "первороденный" (без указания на возраст), и лишь употребление слова во всех известных нам случаях говорит о том, что речь идет о новорожденном. Только варианты **пѣтеньць** и **пѣтѣньць** имеют собственно уменьшительное значение, которое сообщается именно данным формантом. В двух других словах и их вариантах основное значение — носитель признака: **младъ — младѣньць**, **правъ — пръвѣньць** и т.п. **Пѣтеньць** и **пѣтѣньць** образованы от существительного **пѣта**

с суффиксом **-ница**; последний в СЯ нередко утрачивал значение уменьшительности (**дѣвица**, **лѣшица** и ряд других). Вместе с тем следует признать, что данные слова на **-ѣ(є)ньць**, кроме своей структуры, объединяются также и характером значения, в котором присутствует оттенок уменьшительности. Ср. значения этих слов и слов типа **жрѣва** и **жрѣвьць**, **агна** и **агньць**. Перед нами такой случай семантической трансформации, когда употребление ряда идентичных по строению слов накладывает определенный отпечаток на значение каждого слова, образованного по данной модели.

Слова, мотивированные глаголами.

Из 16 слов с глагольной основой и формантом **-ьць** пять слов употребляется в текстах евангелий (из них один гапакс **свирьць** — в Зогр.). только в Супр — шесть слов (из них 4 гапакса). Девять слов отмечено в двух и более СП. Самое употребительное — **творьць** (отмечено в 3 СП, суммарно 31 раз). Три слова — общестарославянские — **коупьць**, **ловьць**, **льстьць**.

По своим значениям слова данной группы представляют собой наименования лиц по их постоянным занятиям, профессии (например, **коупьць**, **сѣчьць**, **чьтьць**) или лиц по свойственным им действиям, занятиям, поступкам (например, **давьць**, **льстьць**). Греч. соотв. слов данной подгруппы обычно существительные с формантами **-τηρ** или **-της**. А. Мейе писал: "Такие слова, как **старьць** или **отьць**, привели к использованию суффикса **-ьць** для образования имен деятелей типа **творьць** от **творити** или **коупьць** от **коупити**" ("Общеславянский язык", 291). В СЯ этот процесс происходил весьма интенсивно: глагольных образований на **-ьць** (особенно сложений) здесь значительно больше, чем мотивированных прилагательными. Мы не выделяем сущ. **отьць**, имеющее исторически суффикс **-ьць** и представляющее собой отыменное образование, так как в СП оно известно только как мотивирующее (ср. ст.-сл. **отьчь**, **отьчина**, **отьчествик**, **отьчство**, **прѣотьць**), хотя возможность употребления в СЯ прилагательного **отьнь** нельзя отрицать (см. ЦП, Сл. ЧСАН, II, 624).

Всего в языке СП отмечено 87 слов со значением лица, образованных с формантом **-ьць**. Из них: 10 — от прилагательных, еще 6 имеют вариант суффикса **-ѣ(є)ньць**; 16 — от глаголов. 51 слово представляет собой двухкорневое сложение. При этом только 9 слов со второй именной частью: **богословьць**, **вѣлоризьць**, **правословьць**, **пръвородьць**, **самовластьць**, **чрьноризьць**, **цьрьноризьць**, **шестокрилатьць**, **четвьртовластьць**. 42 сложения имеют вторым компонентом глагольную основу. Только 7 из них единственны по своей второй части (в других сложениях она не отмечена): **соухотадыць**, **срьдцевѣдыць**, **домноживьць**, **страстотръпыць**, **звѣздозрьць**, **ядропнишьць**, **богочтьць**. Остальные композиты с данным формантом характеризуются тем, что вторая часть в них повторяется в ряде слов. Например, сложений на **-любьць** — 9: **бого-**, **живото-**, **нище-**, **крито-**, **срѣвро-**, **слово-**, **чловѣко-**, **чисто-**, **хрьстолюбьць**; на **давьць** — 5: **благо-**, **жизно-**, **заимо-**, **законо-**, **мьздодавьць**. обычно вторые компоненты в СЯ в качестве самостоятельных слов редко употребляются. В данной подгруппе только **борьць**, **видьць**, **давьць** и **творьць** известны и как самостоятельные слова, и как вторые компоненты сложений.

В СП отмечено несколько прилагательных, образованных от существительных на **-ьць** со значением лица: **ловьчь**, **старьчь**, **творьчь**, **тельчь**, а также **юнчь**; **жрьчьскъ**, **чрьноризьчьскъ**, **чрьньчьскъ**. Показателем продуктивности слов данной группы являются новообразования типа **люבודѣиць** (μοιχός), в которых формант **-ьць** является избыточным, он наслаивается на вторую часть древнего типа сложений на **-дѣи** (**люבודѣи**, **злудѣи** и т.п.). Ср. Аналогичный процесс в группе мотивированных слов на **-ьникъ** со значением лица (**исходатаинникъ**, **неиздреченьникъ**).

Слова женского рода с формантом -ница (-ьница)

К данной группе слов примыкают два слова, обозначающие самок животных. **Телица** [τελις] "ягненок, овечка" (толкование предположительное: по смыслу греч. соответствия и контекста в целом). Все три случая приходятся на Слово Иоанна Златоуста, где излагается библейское сказание: **чловѣкъ нѣкто вѣ вокатъ. имѣа скоты и чрѣды многы. чловѣкъ**

же пакы вѣ оубогъ. имѣа телицѣ ѣдинѣ. таже на трепѣзѣ съ нимъ гадѣаше. и чашѣ ѣдинѣ съ нимъ питааше. и на лонѣ кмоу съпааше Супр. 359, 29 (см. 2 Цар 12, 1—6). **Тельць** с данным словом ж. р. семантически не соотносится. **Юница** (Супр, 1, δόφιλις) ж. к юньць, "молодая корова": **аште во кровь юньча и козьла. и попелъ юница кропимъ ...** Супр 483, 21 (Посл. Евреем 9, 13—14).

Слова женского рода с формантом **-ица (-ьница)**

Большинство слов является соответствующими наименованиями лиц женского пола, соотносящихся по значению с однокоренными словами м. р. Среди последних также преобладают мотивированные слова: 10 (из 29 рассмотренных) слов ж.р. соотносятся со словами м.р. на **-ьникъ** и **-кникъ** (типа **вѣдница—вѣдникъ, грѣшница—грѣшникъ, исповѣдница—исповѣдникъ, оученица—оученикъ**). Пять слов — со словами м.р. на **-(j)ьць** (типа **любовница—любовиць, старница—старьць**). Два слова — со словами м.р. на **тель** (**родительница — родитель, служительница—служитель**). Два слова со словами на **арь** (**вратарница—вратарь, сюда же относим и цѣсарница—цѣсарь**). Три слова соотносительны с непродуктивными по форманту или непроезными на уровне СЯ (старославянского языка) словами м.р.: **владыница—владыка, отроковница—отрокъ, пророчица—пророкъ**. ...Слова **вьдовница** и **дѣвница** образованы от **вьдова** и **дѣва**, которые исторически представляют собой прилагательные. Немало слов с формантом **-ица** глагольного происхождения: **богородица, кровотоцица, долица, поущеница**. Сюда примыкают слова **родительница, служительница, любовница, пророчица, оученица**, являющиеся глагольными опосредственно — через корреляты м.р. Слова ж.р., соотносительные с однокоренными словами м.р., обычно употребляются реже, чем эти последние. В этом отношении слова ж.р. со значением лица отличаются от наименований самок животных, которые обычно представляют собою немаркированные лексемы по отношению к соответствующим словам м.р. и употребляются чаще, чем эти парные с ними слова м.р.

Среди греческих соответствующих лексем данной группы нельзя выделить один тип слов, они разнообразны по своей структуре.

Примечания

¹ Гавранек Б. Да ли се ди јалекти прасловенског језика могу одредити не само на основу дво јних или тро јних гласовних појава, него и на основу паралелних облика у свима деловима граматичке структуре? — В кн.: III Међинародни конгрес слависта: Одговори на питања. Допуне. (? 3). Београд: Издања извршног одбора, 1939, 20.

² Trubetzkoy N.S. Über die Entstehung der gemeinwestslavischen Eigentlichkeiten auf dem Gebiete des Konsonatismus. — Zeitschrift für slavische Philologie, 7, 383-406.

³ Ekblom R. Die Palatalisierung von k, g, ch im Slavischen, Uppsala^ Almqvist & Wiksell, 1935.

⁴ Ler-Splawinski T. Nowsze poklasy na niektore zjawiska t. zw. drugiej palatalizacji. — в кн. Ler-Splawinski T. Studia i szkice wybrane. Warszawa: PAN, 1957.

⁵ Белић А. На јмлаба (трећа) промена задњенепћаних сугласника k, g, h у прасловенском језику.— ЈФ, 1921 2, 18-39.

⁶ Vondrak W. O pozde jšich palatalisacich v praslovanštine. — Slavia, 1923/24, 2, 17-25.

⁷ Knutsson K.P. Über die sog. zweite Palatalisierung in den slavischen Sprachen. Lund: Gleerup; Leipzig: Harrassowitz, 1926.

⁸ Otrębski J.S. Pochodzenie tzw. Baudouinowskiej palatalizacji w językach słowiańskich. — Slavia Occidentalis, 1948, 19, 23-62.

⁹ Ekblom R. Die frühe dorsale Palatalisierung im Slavischen. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1951.

¹⁰ Калнынь Л.Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских

языках. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

¹¹ Новые данные, подтверждающие точку зрения С.М.Глускиной и Зштибера, см. в работе: А.А.Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. — В кн.: В.П.Янин, А.А.Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977 — 1983 гг. М., 1986, 111-119.

¹² см. также работы В.Г.Чургановой (иной подход к проблеме см. в работе Бернштейн 1974.

¹³ Shtvelov G.Y. a Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg: Winter, 1979.

¹⁴ Mareš F.V. Chronologie zveny $\sigma > \gamma > h[v]$ slovanských jazycích. — In: Miscellahea Linguistica. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis — facults philosophica. Ostrava: Profil, 1971, 27-31.

¹⁵ О непоследовательности первой палатализации славянских занебных согласных. — Linguistika, 1978, 17, 33-47.

¹⁶ Stieber Z. Druga palatalizacja tylnojęzykowych w swietle atlasu dialektow rosyjskich na wschod od Moskwy. — RS, 1968, 29, 3-7.

¹⁷ Зализняк А.А. Кисторической фонетике древненовгородского диалекта. — в кн. Балтославянская ... (1982).

¹⁸ Мошинский Л. О времени монофтонгизации праславянских дифтонгов. — Вопросы языкознания, 1972. н4.

¹⁹ Чекман В.Н. Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. Минск. Наука и техника. 1973.

²⁰ Журавлев В.К. Праславянское смягчения согласных гласными переднего ряда (к проблеме реконструкции). — в кн.: В честь Георгиев... 1980.

²¹ Авксентьева А.Г. Палатальная корреляция и мена $tl, dl > kl, gl$ в славянских языках. — В кн. История русского языка: Изд-ва Ленинградского ун-та. 1976.

²² Krajčovic R/K/ R teorii protikl fdu fortis-lenis v praslovancintne a slovanských jazykoch. — In: Ceskoslovenske prednasky VII... 1973.

²³ Иранское происхождение этнонима *хорваты* общепризнано. Источник названия *сербы* менее определенный. Однако его ранняя фиксация (в середине X в.) у Константина Порфирородного (De administrando imperio, cap. 9), где оно означает восточно-славянское племя (ибо вряд ли это простое искажение этнонима **сѣверяне**, как предполагалось), подтверждает, как кажется, иранское происхождение этого этнонима.

²⁴ рефлекс eu (графически eu, ew и eau=ēu) в древнепрусском Энхидрионе, видимо вторичен по отношению к общебалтийскому jau.

Указатель

Символы

единъ 23

А

агн 26
агньць 26
аеръ 23
ангелъ 23

Б

бкы 24
бѣлоризьць 26
баба 23
близньць 25
блюдо 24
богословьць 26
брѣза 25
братръ 23
бѣдрость 23
бэлкэ 19

В

весна 23
вѣверица 22
вѣверицами 22
вѣверичь 22
Васэке 19
вевериць 22
великээ 19
владке 19
владыцэ 19
воквода 24
вода 23
возми 19
Вороньца, 22
вохи 19
вохо 19
всемо 20
всиухъ 19
всьмо 19
всэ 19
всэмъ 20
всю 19
всяка 20
всякож 20
вх 19
вхе 19
вхим(и) 19
вхого 19
вхыухъ 19
вѣлэсти 23
вьсе 19
вьсь 19
вьсьгда 20
вьхемо 19
вьховэдъ 19

вхэмъ 19
вэздъкэ 18

Г

головице 22

Д

дѣвица 25
давьць 26
деньги 19
длъгослоужик 23
добродэян 24
домзаконьникъ 24
домправитель 24
дрожьба 23
дрүгее 19
дрьколь 23
дълужениць 22

Ж

женьскѣи 21
женьстѣи 21
женьсцѣи 21
жестокосръдик 24
животъ 23
жрѣба 26
жрѣвьць 26
жрѣвьникъ 24

З

заьць 23
задъница 22
Запаце 22
зелѣ 23

И

игемонъ 24
иерен 24
икономъ 24
испеки 19

К

купарисъ 23
кадець 22
кадце 22
кдюцникэ 19
кнагыне 22
кназь 21
кназю 21
князя 21
корабль 23
коробки 19
коупити 26
коупьць 26
кѣнязь 24
кэле 18

Л

Лгэ 19
Лкэ 19
лисичь 22

ловьць 26
льстьць 26
лютьць 25

М

мждрьць 25
маловэръ 24
милосръдъ 24
милосръдик 24
милосръдъ 25
Митроць 20
младѣньць 25
моги 19
могитъ 19
морк, 23
мрътвьць 25
мъшица 26
мытарь 24

Н

неавэстъкэ 19
неизреченьникъ 23

О

олътарь 24
отроць 23
отън4ь 26
отъць 22, 26
отъчеви 22
отъчина 26
отъчь 26
отъчьствиц, 26
отъчьство 26
оуьсраги 21

П

плоугъ 25
полотенеца 22
помози 19
послүсэ 19
прѣботъць 26
правословьць 26
правъ 25
праздникѣхъ 21
пристриги 19
прѣвѣньць 25
пѣтѣньць 25
пѣта 25
пѣтеньць 25
пѣ(ше)ницѣ 22
пэнязь 24
пэськъ 23

Р

рѣка 23
равотъникъ 23
рядьци 19

С

сша 23
сжбота 24

сѣчьць 26
сапоги 19
сапозэ 19
сватъць 25
свинце 22
свирьць 26
свяштеникъ 24
секите 19
Серегэри 18
слѣпць 25
славословествик 23
смердыньскі 19
снѣгъ 25
соужъдалъць 22
стденыць 23
старьць 25, 26
Степаньцю 22
сыновожьствик 23
сынъ 25

Т

творити 26
творьць 26
тесати 23
тетъка 23
тетъкэ 19
Тимоцэ 20
торгэ 19

Х

хитонъ 23
хоботъ 23
хого 19
хромьць 25

Ц

цѣловати 21
цѣль 22
цвелитъ 16
цепье 19
церковь 18
цетвеотк(е) 19
црькы 24
цълю 18
цъльцьм 22
цэлованк 18
цэна 18
цэпъ 18

Ч

челѣдь 23
чепи 18
чепъ 18
чръньць 25
чѣтьць 26

Ю

юньць 25